

844

Wac. Ferguson

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ

МОСКВА
1968

В МЕСТО
ЭПИГРАФА

ПЕРВАЯ
ВЫСОТА

МУЖАЯ
ЖИЗНЬ

ЛИРИЧЕСКОЕ
ОТСТУПЛЕНИЕ

ЗЕМЛЯ
И ВЕГА

ПАМЯТЬ
ВЕКА

МОСКВА,
МОСКВА...

СМЕРТНАЯ
ВЫСЬ

КРЫЛЬЯ
НА ПОЛДЕНЬ

ЭПИЛОГ
ПРОЩАНИЙ

854643

Иас. Федоров

СЕДЬМОЕ НЕБО

Романическая поэма

СЕКТОР
КРАЕВ

P 2
Ф 33

Художник М. В. Серегин

7-4-2

201-67

«Седьмое небо» — это, пожалуй, самое крупное и значительное произведение из всего того, что было создано Василием Федоровым в эпическом жанре. В нем огромный — и по временному охвату и по значению — период жизни нашей страны, начиная с той поры, когда Россия — «страна саней, страна телег захотела стать крылатой», и кончая нашими днями, когда начался штурм космических далей.

Вместо эмиграции

Начало эмиграции
Еще-то далеко,
Конец ее,
Быть может, когда-то.
Крайни свой путь
Многие несли,
Рассказывать о нем
Еще не легче.

Моя душа и тело —
Мы родня,
Но то, Седьмие,
Что звал к поцелу,
Как ты взлетал,
Подобно воробью,
Все время
Отходило от меня.

Небесную
Познать благодать,
И потому,
Что не досыл Седьмие,
Не страшно было
Крыль мне лопать,
Залечивать
И подниматься снова!

ПЕРВАЯ ВЫСОТА

И

ишу.

Лицо к бумаге клонится
Не для того, чтоб тешить вас.
Так счетовод сидит в бессоннице,
Когда не сходится баланс.
Ищу за прожитыми годами,
Испортив вороха бумаг,
Между приходом и расходами
Свой затерявшийся пятак.
«Такая малость! —
Скажут с жалостью. —
И пусть его недостает!»
Да, малость...
Но за этой малостью
Непоправимое встает.

Известно,
Что от дней младенческих,
Когда возьмешь и не отдашь,
До юности,
До дней студенческих
Все выходило баш на баш.
Ты на отметки жмешь отличные,
Ты строг, как формула,
А тут
Глаза девчат,
Дотоль обычные,
Раскроются и зацветут.
Есть дни цветенья
Глаз девических,
Когда они, что ни раскрой,

Глядят с таблиц логарифмических,
С огромных карт географических
И даже с чертежа порой.
Спокойные, еще ничейные,
Они загадочно глядят,
Не темные, а так — вечерние,
Но огоньки уже горят.

О ней мечтал я:
Будет близкою,—
Когда без стука — где там стук! —
Однажды в келью общежитскую
Влетел мой закадычный друг.
Откинув голову лобастую,
Большие руки вскинул он
И закричал,
Меня грабастая:
— Друг! Я влюблен!
— И я влюблен.—
Он, знавший цену преходящему,
Взглянул с укором на меня:
— Да нет же! Я по-настоящему!
— По-настоящему и я.—
Секрет друзей
Не пропуск разовый,
Не сдашь вахтеру в проходной.
— Рассказывай!
— Нет, ты рассказывай,—
Заговорил товарищ мой.

И стали сумерки лукавыми,
И воздух терпкий, как вино,

Цветами пахнувший и травами,
Втекал в открытое окно.
Откинув прочь стыдливость ложную,
Друг доверялся мне в бреду.
Играла музыка тревожная,
Должно быть, в городском саду.

Пьянел он:
— Брови соколиные,
На взлете загнутые вниз...—
Я подсказал:
— Ресницы длинные,
И даже тени от ресниц.

Мой друг заветное выкладывал,
Описывал мне красоту,
А я бледнел, я предугадывал
За новой новую черту.
Секрет друзей не пропуск разовый,
Не на день в душу он впустил.
— Ну, друже, ты теперь рассказывай!
— Да нет, Борис, я пошутил.—
Так пошутил,
Что буду сетовать
Всю жизнь на глупые слова.
За право друга исповедовать
Я отдал на любовь права.

* * *

В душе,
Как боль неустрашимую,

Носил любви я тайный груз.
Марьяна — так звалась любимая —
Пришла к нам на последний курс.
Мы долго мучились в гадании:
Откуда? Кто она?
Потом
Всё вывели на собрании
При выдвижении в профком.

Есть много рек,
Но самой близкою
Была и будет, жив пока,
Одна таежная, сибирская,
Незнаменитая река.
Я рос у вод ее разливчатых,
Нырря с каменной гряды,
Я на волнах качался зыбчатых,
Я на песках ее рассыпчатых
Оставил резвые следы.

Не знал я,
Что, лесная, плёсная,
Она текла и в том краю,
Где сторожиха леспромхозная
Растила девочку свою.
Как я, в реке купалась девочка,
Ко мне плыла не больше дня
Марьянкой брошенная веточка
И doplывала до меня.
Ее глаза,
Лицо открытое —
За то ли, что росли мы с ней,

Одними водами омытые,
Одним загаром с ней покрытые,—
Я полюбил еще сильнее.

Она играла.
Ноты...
Клавиши...
Нам было в жизни не до них.
В то время мы среди играющих
Не знали дочек сторожих.
Ее учил в тайге нехоженой
Какой-то старенький Орфей,
Судьбой неласковой брошенный
В лесное царство глухарей.
Учил почти с благодарением
Не самой трудной из судеб.
Он рад был,
Что не дров пилением
Там зарабатывал свой хлеб.
Она играла...
И руладами
Вела ребят в лесную даль.
Шумел, как речка с перекатами,
В спортзале
Старенький рояль.

Я мучился,
Любовью раненный,
Себя сжигая на огне.
Друг подходил к душе Марьяниной,
А я топтался в стороне.
Ему открыться — лишь позориться.

Соперники не ходят вслед.
Мне оставалось с ним поессориться
И снять с души своей запрет.
Но гнал я эту мысль-преступницу,
Другую поднимал на щит:
Кто давней дружбою поступится,
Тот и любовь не пощадит.

Моей бедой,
Моей отрадою
И даже смыслом бытия,
Моей единственной наградою
Была возвышенность моя.
Наивный,
Гордый в непорочности,
Я, радости творя из мук,
Бродил при звездах
В одиночестве
И говорил:
— Будь счастлив, друг!

Красивому
К красивой хаживать,
А я любовь свою
Сгублю.

Любил я чувства приукрашивать,
Да и теперь еще люблю.

В огромный,
До конца не познанный,
Страстями полный до краев,

Хочу я в мир, не мною созданный,
Внести красивое,
Свое.

* * *

Летел
Через года тридцатые
Стремительный моторный век.
И захотела стать крылатою
Страна саней,
Страна телег.
Слова
«По-чкаловски»,
«По-громовски»
Уже слетали с наших губ,
Когда с путевкою райкомовской
Явились мы в аэроклуб.
Нас выстукали,
Нас измерили,
Нас подержали на весах,
Пять наших чувств врачи проверили —
На смелость,
Выдержку
И страх.

Глаза?
Желать не надо лучшего.
— Лети, — сказали, —
На лету
Увидишь бога всемогущего
И ангельскую мелкоту.

А грудь?

И грудь не старца с посохом.
Врач пошутил, пророча взлет,
Что в небесах не хватит воздуха,
Когда такая грудь вздохнет.

И сердце он не оговаривал.
Прослушав, вынес приговор:
— Такое сердце в час аварии
Способно заменить мотор.

А чуткость слуха
Всё превысила.
Когда б, хоть не на весь накал,
Марьяна обо мне помыслила,
Я б эти мысли услышал.

Учлет!
Ей льстило это звание.
Как мы с Борисом,
В тот же час
Она прошла все испытания
И очутилась среди нас.
Наш день стал надвое рассеченным.
Мы днем спешили изучать,
Как строить самолет,
А вечером —
Как самолеты истреблять.

Все в шлемах
И очках сферических
Мы уходили в синь-туман.

Так на картинках фантастических
Изображали марсиан.

За темень глаз,
Очками скрытую,
Однажды я негромко, вскользь
Назвал Марьяну Аэлитой,
И это имя привилось.
К ней,
Кое-как экипированной,
Спортивных туфель шел фасон
И поясочек лакированный,
Что стягивал комбинезон.

Я чувствовал себя взлетающим,
Когда она «ПО-2» вела,
А я бежал сопровождающим
На шаг от правого крыла.
Потом,
Подмяв цветы весенние,
Темно-зеленую траву,
Мой друг и я —
Он откровеннее! —
Посматривали в синеву.
И сердце билось вулканически
С такою страстью новичка,
Что где-нибудь
Прибор сейсмический,
Должно быть, прыгал от толчка.

Я был далек
От мыслей горестных,
А друг бледнел, мрачнел, любя.

— Мне за Марьяну что-то боязно...
— Мне тоже...— признавался я.
— Все шутишь! — и грозил шутящему,
Хлестнув ладонью по спине: —
Брось, Васька, мне по-настоящему!
— По-настоящему и мне.—

Но,
Дорожившие приятельством,
Ломали мы размолвки лед,
Кончая споры препирательством:
Кому за кем
Идти в полет.

Полет!
Из всех самостоятельных,
Из всех хороших и плохих,
Лишь три полета знаменательных
Еще свистят в ушах моих.
Ах, память!
Горе слабонервному!
Припоминая жизнь свою,
Из этих трех полету первому
Я предпочтенье отдаю.

— Мешо-о-ок! —
Пропел инструктор весело.
Крестообразным пояском
Взамен себя для равновесия
Он укрепил мешок с песком.
— Ни пуха!..—
Мне Марьяна крикнула
От задрожавшего крыла.

Машина, пробежав, подпрыгнула
И над землею поплыла.

Не сильную, —
Не очень быструю —
Хоть раз летавший да поймет! —
Ее, такую неказистую,
Я полюбил за тот полет.
Ее, несложную, фанерную,
Одетую в мадаполам,
Вы тоже помните, наверное,
Летающие к другим мирам?
Во всех крылатых поколениях
Она останется жива,
Как азбука —
В стихотворениях
И как в расчетах — дважды два...

* * *

Так я летал,
В душе уверенный,
Что мне в заоблачной дали
Нет груза лучше, чем доверенный
Мешок натруженной земли.
Мои глаза не вдруг поверили,
Когда, взамен таких поклаж,
Ее, Марьяну, мне доверили
Идти на высший пилотаж.

Вдыхая воздух опьяняющий,
Я нес ее средь облаков,
Влюбленный,

Смелый, соблазняющий
Не пышностью пуховиков.

Лети, не бойся!
Мной хранимую,
Тебя, тебя, мою красу,
Тебя, тебя, мою любимую,
В Седьмое небо унесу.
Тебя, травиночку медвяную,
Туда, где воздух свеж и тих,
Я унесу, мою желанную,
От всех соперников земных.
По звездным вынесу тропиночкам
К неугасающему дню,
И песни для тебя, травиночка,
Я неземные сочиню.

Земной мы покидаем край,
Мы в небесах уже.
Над нами звезды — выбирай,
Какая по душе.

Вон ту
Покрыла синева
Нездешней красоты.
Там синяя земля, трава
И синие цветы.

Вон с той,
Что трепетно-ясна,
На нас нисходят сны.
Там все красно: земля красна
И все цветы красны.

Вон та,
Холодная, кружит,
Как неродная мать.
Над нами звезды — прикажи,
Какую штурмовать.

Машина высилась
И высилась,
И ветер терся о бока.
Уже Седьмое небо близилось,
Уже редели облака.
И песней
Не перепелиною
Моя наполнилась душа.
Так началась игра орлиная
С решительного виража.

Страстями юными взвиваемый,
Я выполнял, не веря в зло,
И штопор,
И так называемый
Переворот через крыло.
Взлетая вверх и снова падая,
Счастливый, думал я о том,
Как, ловкостью Марьяну радуя,
Свершу падение листом.

Вы видели
Листа падение,
Когда он, легче мотылька,
Качается от дуновения
Неслышимого ветерка?

А я...
Я все переиначивал,
Я — ветер лишь в ушах свистел! —
Марьяну в небесах покачивал,
Казалось,
От звезды к звезде.

И вдруг:
Снижение...
Снижение...
Близка земля...
Кусты...
Трава...
Закон земного притяжения
Вступил в жестокие права.
Я падал,
Падал птицей раненой.
Когда обрушилась гроза,
Увидел я глаза Марьянины,
Глаза Марьянины,
Глаза...

И — ночь.
И все — как полузрячему.
И бред.
И поздний страх в бреду,
Что я упал на ту горячую,
На ту кровавую звезду.
Она ко мне в кошмарах сна
Пришла из темноты.
Здесь все красно:

Земля красна
И красные цветы.
Был красноват винта излом,
Повергнувший меня.
И под изломанным крылом
Лежала в красном цвете том
Любимая моя.

Теперь
Соперников земных
Здесь нет наверняка.
И вот она в руках моих,
По-звездному легка.
Я нес ее,
И мир иной
Перед глазами плыл.
В ручье, похожем на земной,
Я ей лицо омыл.
Я нес и рук не облегал,
Впадая в забытье.
— О люди звездные! —
кричал.—
Спасите мне ее!

И кровь
В печальной тишине
Остановила бег.
И я упал... Навстречу мне
Шел звездный человек.
И, падая,
Я видел дрожь

Огромных рук его.
Спаситель, помню, был похож
На друга моего...

* * *

На том ли я,
На этом свете ли?
Иль все еще лечу во мгле?
— Марьяна!.. Где ты?..—
Мне ответили:
— Она со мною...
На Земле.

Земля!
Я замер в изумлении.
Все вставшее передо мной,
Как после мира сотворения,
Ошеломило новизной.
В обычном было необычное.
Ты, память, ран не бреди!
Больница.
Белизна больничная,
И боль —
Как ворон на груди.

И тотчас,
Не скрывая вызова,
Как будто из небытия,
Явилось мне лицо Борисово.
— Жива?
— Жива не для тебя!

— Ж-жива!..—

В своем земном значении
Есть чудотворные слова.
Я был готов на все мучения,
Я был готов на отречение
От счастья —
Что она жива.

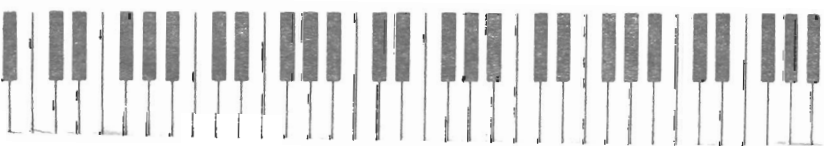
Клянусь звездой безымянною,
Друг торопился не шутя
Встать между мною и Марьяною.
— Но я люблю!
— Люблю и я.

Я видел руки, в гневе сжатые,
Такие руки насмерть бьют
И никогда однажды взятое
Назад уже не отдают.
Коса стальная с камнем встретилась
И с маху высекла беду.
И снова мне Марьяна бредилась
И виделась звезда в бреду.

Я звал —
И слышала Земля:
— Марьяна!..
Где ты?..
Где?..—
Высокая любовь моя
Осталась на звезде.

ЧУЖАЯ

ЖИЗНЬ

В

Москве

Весь край мой заобийский
Зовут Востоком.
Взять бы в толк,
Что в стороне моей сибирской
Есть свой и Запад
И Восток.

Не на побывку,
Не гостями
Мы ехали, надежд полны,
Три капли, двинутых страстями
Переселенческой волны.
Три капли, в жажде перемены
Мы ехали, полны забот,
Не на простой, а на военный,
К тому же
Авиазавод.

И малые сегодня версты
Готовы ставить людям в честь,
А нам поехать было просто
И буднично,
Как пить и есть.
Себе и людям на потребу
Мы крылья ехали ковать.
Я думал: «С кем мне штурмовать
Коварное Седьмое небо?»

Меж тем
По виду как семья
Сидели мы в купе непышном:

Борис с Марьяною...
И я,
Недавно ставший третьим лишним.

Борис стал добр.
Лихач воздушный,
Прощен я милостью его.
И добрым и великодушным
Быть победителю легко.
Легко и лестно
Жестом, взглядом,
Самодовольства не тая,
Когда и надо и не надо
Вывешивать ярлык: «Моя!»
Да, да, твоя!
Твоя бесспорно!
Глядел я с болью и тоской,
Как, тихая, она покорно
Сидела под его рукой.

Как птица,
Раненная влет,
Прибившись к выводку на пашне,
Пока крыло не заживет,
Домашним
Кажется домашней.

Теперь,
Когда пришла утрата,
Я понял, живши в простоте,
Что платим мы земною платой
За тяготенья к высоте.

— Взгляни! —

Она вскочила с места...
Нас снова, как одна волна,
Соединила речка детства
В проеме узкого окна.

Есть много рек,
Но самой близкою
Была и будет, жив пока,
Родная западносибирская
Золотобокая река.
В глубоких заводях ленивая,
На перекрестках торопливая...

Тебе за то спасибо, реченька,
Что, исцеленное врачом,
Марьяны худенькое плечико
Я ощутил своим плечом.
За то, что воды нам потрафили,
Когда, в спокойствии своем,
Как на мгновенной фотографии
Изобразили нас вдвоем.

Мы помахали
Елкам,
 елочкам,
И снова на какой-то срок
Жизнь разложила нас по полочкам
И потащила на Восток.
Куда?
Не по уставу должности,
Не из причуд, как иногда,

И не из личной осторожности
Не говорю, спешил куда.

О мой завод,
Ни вражьем летчикам
С планшетками для наших карт,
Ни мрачным атомным наводчикам
Не дам его координат.
Но месту есть название точное.
В пути
С тайгой под облака
Громадилась Сибирь Восточная,
Неслась косматая река,
Взлетала,
На пороги сетуя,
Как птица синего пера,
Еще в железо не одетая,
Еще Твардовским не воспетая,
И все же в славе — Ангара.

* * *

На берегу
Дома добротные,
За ними — темные леса.
Аэродром,
Дорожки взлетные
И заводские корпуса.
Труба казалась красной пушкой.
Над ней, глядевшей в вышину,
Дымок свивался сизой стружкой,
Как после выстрела в Луну.

А в цехе
Повстречали умные,
Ошеломившие мой слух,
Слоны огромные, чугунные,
Вздыхающие:
Ух да ух!
И сотрясали стены топотом,
Пытаясь с ног стряхнуть бетон,
И гнули сталь упругим хоботом
С усилием
В пять тысяч тонн.

А быт?
Подобно многим жителям,
Мы жили в мире заводском,
Как до сих пор —
По общежитиям:
Марьяна в женском,
Мы в мужском.
Все было как во время оное.
Она к нам на исходе дня
Вбегала юная, влюбленная,
И мне казалось, что в меня...

Была чужой,
Но все же близкою,
Когда без стука —
Где там стук! —
Однажды в келью общежитскую
Ворвался мой счастливый друг.
Откинув голову лобастую,
Раскинул руки, силой лют,

И закричал, меня грабастая:
— Ур-ра!.. Мне комнату дают!..

И дали.
Помнится доселе
С той романтической поры,
Как шел я к ним на новоселье
Туманной поймой Ангары.
В закате
Голубые брызги
Меняли цвет на золотой,
Был берег близкий
Очень низкий,
А берег дальний был крутой.

И он,
Подмытый,
Глухо гулгал,
Когда в траве, едва живой,
Котенок, помню, замаякал,
И я склонился над травой.
О сила жизни!
Мокрый,
Рыжий,
Он, грубой силе вопреки,
Заброшенный в пучину, выжил
И выплыл из ревун-реки.
Подмытый берег грозно гыкал.
Найденыш, на судьбу ворча,
Пригрелся вскоре у плеча
И благодарно замурлыкал.
Пел как умел.

Так шли мы двое.
Друзьям в их новое жилье
Я внес певучее, живое
Благословение свое.

За благодарностью,
За нежностью
Я не узнал Марьяны той.
Она сияла тихой грешностью
И новой женской красотой.
Она дивила мягкой томностью,
Бездонностью тенистых глаз.
Зажмурюсь только —
И с влюбленностью
Ее увижу хоть сейчас.
Да, да, в мое воображение
Она вошла без перемен,
Вся в смехе,
В счастье,
Вся в кружении
По комнате
Средь голых стен.

И платья
Складки беспокойные
Как будто ветерок занес.
И замелькали ноги стройные
Весенней белизны берез.

А я?
Я стал еще несчастнее,
Печальней стал.

Да что слова!
Она кружилась, но опаснее
Моя кружилась голова.
Потом — о бедность быта нашего! —
Все трое стали обсуждать,
Как будет комната украшена,
В каком углу
Чему стоять.
— Там шифоньер...
— А здесь картина...
— Сюда, чтоб веселей жилосьь,
Куплю Марьяне пианино...

С него-то все и началось.

* * *

Но — стоп.
Заторможу вторженье
За преждевременный предел.
Для верности изображенья
Хочу глядеть, как я глядел.

А я глядел на мир влюбленно,
К Марьяне чувства укротив,
Но и в любви неразделенной
Есть возвышающий мотив.
Недаром в пору отреченья
Нашел я в русской старине
Слова двойного назначенья:
Судьба — ему,
Судьбина — мне.

Смирившийся,
Полуручной,
Я заглянул в глаза Марьяны:
В них, как над заводью
ночной,
Стояли поздние туманы.
Так птица, раненная влет,
С повадками расставшись
дикими,
Все помнит прошлое,
Все ждет,
Что стая снова позовет
Ее заоблачными кликами.

* * *

В простенке,
Избранном давно,
Рельефилось резьбою фриза,
По выражению Бориса,
Не пианино — п и а н о́.
Торжественно и гордо глядя,
Хозяин дома горячо
Покупку гладкую погладил,
Потом Марьянино плечо.

Взлет рук.
Разбег.
Вот так, пожалуй,
Отчаяннее всех подруг,
Она по жизни пробежала,
Как пальцы замелькавших рук.

Вот так
В порыве неумном
Она скакала налегке
По медленно плывущим бревнам,
Готовым потонуть в реке.
Вот так
Порой она срывалась
С большого скользкого бревна...
Под каждым клавишем скрывалась
Неведомая глубина.

Бетховен,
Моцарт вновь сошлись...
Нет, не по воле вдохновенья —
Они товарищу дались
Ценой его грехопаденья.

И знай,
Что путь к нему греховен,
Пытавший гордостью судьбу,
Непримиримый ван Бетховен
Разбунтовался бы в гробу.

И знай,
Что путь к нему — паденье,
Причина горьких женских слез,
Сам Моцарт бы свои творенья
В могилу скорбную унес.

Так думал я.
Гляжу в былое
И подступаю к той черте.

Где на дороге к доброте
Бориса сторожило злое.

* * *

Студентами,
Стремясь к героическому,
Чужую мудрость жадно пьем.
По Пушкину,
По Маяковскому,
По Циолковскому живем.
За институтскими дверями
Расстанемся с поводырями
И, примеряясь ко всему,
Живем по сердцу своему.

Как у коня скользят копыта
На почве от дождя сырой,
Так на коварных хлябях быта
Мы спотыкаемся порой.
Не по великому примеру,
Умноженному на веку,
Один ударится в карьеру,
Другой начнет копить деньгу.

Борис!
Из дружеского круга
Не видели одни слепцы,
Как зарождались в сердце друга
Две эти страсти-близнецы.
Побольше чин!
Деньга по чину!

На том семейном вечере
Обещанное пианино
Сыграло темную игру.
С тех пор
Корыстный сын земли
Стал измерять
Дела людские
Так, будто прессы заводские
Чеканили ему рубли.

Я говорил:
Живи как можется,
Но в цельности не погреси.
Храни шагреневую кожу
Своей податливой души.
Перед зазнавшимся начальником
В час спора
Не сиди молчалником.
Начальники —
Отцы для нас,
Но тоже с целями земными,
А потому-то и за ними
Еще нам нужен глаз да глаз.

Упрямый,
Не в пример жене,
Игравшей с чародейской силой,
Он бил лишь по одной струне,
По той,
Которая басила.
Мы виделись издалека.

Как пораженные проказой,
Отступники во все века
Стыдились дружеского глаза.
Лишь служба stalkивала нас.
— Как жизнь идет?
— Неплохо вроде...
— Ну-ну, служи.
Тебе как раз
Служить на авиазаводе.

— А почему? —
И, увлекаемый
Презрением,
Горчил я мед:
— Как — почему?
Ты обтекаемый,
Почти как этот самолет.

В нем — сплав.
Он, помню, был послушен,
Но и в коварстве многолик.
Его изменчивую душу
Я прежде собственной постиг.

✱ * *

И было горько самому,
Что трус,
Что поступил я подло.
Кому любовь свою я отдал?!
Любимую вручил кому?!

Все ложно,
Благородство ложно,
Когда любовь твоя в беде.
Земному счастье невозможно
С ней,
Побывавшей на звезде.

Душа томилась,
Плоть кричала
В объятьях стыдного огня.
А где-то музыка звучала,
Бориса скорбно уличала
И сетовала на меня.
И шел я к ней,
С собой не споря,
Не осуждая чувств своих.
Мой друг,
Зачем ты на троих
Купил одно большое горе?!

Лишь в этом видя зла причины,
Ожесточенный от обид,
К Марьяне шел я, как луддит,
Громивший первые машины.
Вошел и сник.
Нездешний звук,
Истаяв,
Приласкался к слуху,
Лег на душу...
Вот так паук
Живую пеленает муху.

Мелодия,
До слез знакомая,
Вошла в меня, как теплота.
Дрожит трава аэродромная
Под нимбом авиавинта,
Бежит земля ручьями пыльными...
— Марьяна, стой!
— Молчи...
— Молчу.

Большими награжденный крыльями,
Опять взлетел,
Опять лечу...

Теперь крыло мое отковано
В бессоннице труда,
И для любви мной облюбована
Пустынная звезда.

Ни звездным
Выспренним поклонникам,
Быть может, ждущим там,
И ни земным мужьям-законникам
Тебя я не отдам.

Пусть обвиняют,
Что в угаре я,
Пусть бегают в суды.
Все ближе, круче полушарие
Неведомой звезды.

И вот уже мотор затих,
Быть может, на века.
И вот она в руках моих,
По-звездному легка.

Она была еще земней,
И грудь ее была,
Подобно паре голубей,
Прохладна и бела.

И были помыслы чисты,
Светлы глубины глаз.
Пойми, история звезды
Должна начаться с нас.

Пойми, мы путь совсем иной
Укажем для детей,
Добрей и чище, чем земной,
Не омраченный ни войной,
Ни смутюю страстей...

— Ты любишь ли? —
В ответ отчаянье,
Что я, любя, ее сгублю.
— Ты любишь ли? —
Страшно молчание.
— Ты любишь ли?
— Люблю... Люблю...

И вдруг ее,
Со мною слитую,

Вспугнув, тряхнула, как волна,
Во чреве пианино скрытая,
Как голос мужа, басовитая,
Крутая,
Грубая струна.

А там,
За рамами оконными,
Во всей суровости земной,
Жила земля
С ее законами,
С веселым смехом
И со стонами.
— Бежим!
— Куда?
— Ко мне!.. Со мной!..

Есть миг,
Когда вся жизнь осветится
С желаньем тайным на виду,
Когда нельзя уже не встретиться.
— Уйдешь?
— Уйду.
— Придешь?
— Приду.

* * *

В наш сад
Ребята не ходили,
Девчата не плели венки.

Мы по весне его садили
И поливали из реки.
На лавочке, под жухлой краской,
В следах мальчишеской резьбы,
Сидел я у волны ангарской
И ждал решения судьбы.

В закате
Голубые брызги
Меняли цвет на золотой.
Был берег близкий
Очень низкий,
А берег дальний был крутой.
Я представлял подъемы, склоны
Тропинок, что ко мне вели,
И клял мудреные законы
Сопротивления земли.
И вспоминал я как в бреду:
«Уйдешь?»
«Уйду».
«Придешь?»
«Приду».

Марьяна!
Шла она меж ветками,
Пошатываясь на ветру,
Как будто с кленами-трехлетками
В пути затеяла игру.
— Ты насовсем? —
В глазах отчаянье,
Бессонного раздумья след.

— Ты насовсем? —

В ответ молчание.

— Ты насовсем? —

И слышу:

— Нет,

— Как — нет?! —

Хлестнуло сожаленье,
Рожденное от всех обид,
Что я не ранен при паденье,
Не искалечен, не убит.

— Как — нет?! —

Игры не зная правил,
Я каждый ход перевирал.
Всю жизнь я на любовь поставил —
И вот полжизни проиграл.

В тоске кричать

Любовь мешала.

И задушил я крик, пока

Трепала чуб и утешала

Марьяны легкая рука.

— Люблю! — шептала с теплотой.

— Нет, нет, иди и пой романсы

Душе корыстной и пустой,

Душе с хорошим резонансом.

— Не так!

Страшны не перемены.

За Борю чувствую вину:

У жизни он чужой в плену...

Кто выведет его из плена?
— Не ты!
Подумай о себе,—
Твердил с решимостью угрюмой,—
Подумай о своей судьбе,
Родная, о моей подумай...
— Ты сильный...

Тишина.
Сниженье.
Крушенье.
Нет звезды моей.

— Ты сильный! —
Это утешенье
Я часто слышал от друзей.
Они печали приносили
И горечь на душевном дне
И апеллировали к силе,
Которой не было во мне...

Но сила,
Как бывает в сказках,
Пришла ко мне
От волн ангарских.

И чтоб друзьям
Не только мнилось,
Пришла от волн
И природнилась.

От них и мускулы тугие,
От них и добрые слова.
Те волны, где вы?
Где, какие
Ворочаете жернова?

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

У

Идет Любовь,
С тобой повздорив,
Ты ей не мсти,
Прости ее.
Не умножай чужое горе.
Не увеличивай свое.

Несчастье,
Как чума,
Опасно.
Таящий вирусы обид,
Один заблудший и несчастный
Несчастьем сотни заразит.
Страшно покинутых страданье,
Когда оно плодит собой
То жалких,
Ждущих подаянья,
То злых,
Готовых на разбой.

И сам я в жизни рикошетил
И сеял зло,
Марьяне мстя,
Пока в несчастье не встретил
Еще несчастнее себя.

Теперь хочу постичь душою.
Понять умом немолодым
Тот миг, когда лицо чужое
Мне стало близким и родным.

Не в проходной,
Когда на зорьке
Свел нас гудок
Своим баском,
А после,
В клубе заводском,
На шумной новогодней елке.

Нарядная стояла ель.
Вокруг игольчатой вершины
Невинной птахой виражила
Бомбардировщика модель.
То суетно,
То величаво
По залу музыка плыла.
В сторонке девушка сучала,
Меня еще не замечала,
Кого-то лучшего ждала...

Я молод был,
Как говорится,
И не смотрел на женский род
Глазами мудрого провидца,
Все знающего наперед.

Два круга —
И лицо в румянце,
А поступь чуткая легка,
Нежна доверенная в танце
Моей руке
Ее рука.

Сиянье глаз,
Огней сиянье.
Все было странным,
Как во сне.
Ее высокое дыханье
Легко передавалось мне.
И все же,
Близостью тревожа,
В тот вечер смутно-гулевой
Она кружилась лишь в прихожей —
В прихожей
Сердца моего.

* * *

Потом
Мы повстречались снова.
Как не смогла б и жизнь сама,
На сцене клуба заводского
Свело нас «Горе от ума».
Как по единому веленью
Пришли мы с нею в драмкружок
Отдать себя на иждивенье
Чужой любви,
Чужих тревог.

Своя печаль была обычна:
Без слов любил,
Без слов страдал,
А здесь я Чацкого играл,
А здесь я милую карал
Своею дикцией трагичной.

Не говорил —
Спускал курки,
Испепелял высоким жженьем.
И Софья, пьесе вопреки,
Ко мне метнулась
С утешеньем...

Зал
Ликовал.
Лишь режиссер,
Как бог в своей первой драме,
Во гневе длань свою простер
И, осудив,
Расстался с нами.

Шел снег.
Настроенные грустно,
Мы по задворкам и задам
Из рая вечного искусства
Брели, как Ева и Адам.
Подшучивал.
В слезах молчала.
Не удавалась роль и тут.
Сказал ей:
— Знаю, не Качалов,
Хоть и Василием зовут.—
Сказал:
— До свадьбы все забудешь.—
Вдруг, потрясенный до глубин,
Услышал:
— Ты меня не любишь...
— Нет...—

И в страхе,
Грохотом гонимы,
Бежали страхи за порог.
И сразу стали неделимы
И боль,
И радость,
И восторг...

Эта ночь на двоих,
И луна на двоих,
И мерцающий блеск
На ресницах твоих.

* * *

Упоенно дыша,
Голубыми утрами
Просыпалась душа,
Вся полна соловьями.
Опускалась с высот
Синевы поднебесной
И несла на завод
Соловьиные песни.

Здесь,
Чтоб тешили нас,
В заводскую шумиху
Выпускал, что ни час,
Соловья с соловьиной.
Здесь встречал их,
звения,
Добрый голос металла.

И до позднего дня
Соловьев мне хватало.

Повторяя, как зов,
Дины милое имя,
Молодой птицелов,
Шел я снова за ними.
Вновь свежо,
Как в бору,
Как в саду под ветвями.
И душа поутру
Вновь полна соловьями.

Но пора настает:
Зверь в лесу затаится,
Рыба в сеть не идет
И не ловится птица.
Умирают слова
В гордом сердце поэта.
Жизнь, ужель ты права,
Допуская все это?

Помню,
Грустный до слез,
В цеховое гуденье
Я в душе не принес
Соловьиного пенья.
Не принес — и уже
Вместо птичьего хора
Закружились в душе
Только перья раздора.

Философы
И просто умницы
По песням, что вокруг поют,
И по тому,
Как людям любится,
Здоровье мира узнают.
Уже отмеченный сединами,
Пишу о молодой любви.
Так крови капелька единая
Расскажет обо всей крови.

Мы говорим:
Любовь.
Страдание.
Тревожные во всех концах,
Сил мировые колебания
На наших скажутся сердцах.
В любой любви,
Как непреложное,
Как боль отдачи при стрельбе,
Все скажется.
И наше прошлое
Еще заявит о себе.

В тот день
Мы накупили снеди.
Как семьянин и хлебосол,
Таскал я стулья от соседей,
А Дина накрывала стол.

Мы порешили в день получки
Отметить
Как повеселей
Семейного благополучья
Полугодичный юбилей.
Ушли на крабные консервы,
На шепоток хмельной струи
Все скромные мои резервы,
Все премиальные мои.

Позвали мы
Друзей-цеховцев,
Довольством хвастаясь слегка,
Мы пригласили драмкружковцев
И режиссера-старика.
Походкой важной,
Взглядом томным,
Всем поведением своим
Счастливую хозяйку дома
Играла Дина перед ним.
Она его не укоряла,
Она не вспоминала зла.
Играла...
Впрочем, не играла,
А просто счастлива была.
Хмельной старик,
Как Лир на троне,
Уже мельчал,
Впадая в лесть:
— Я ваш порыв тогда не понял,
А в жестах ваших
Что-то есть...

О сколько их,
Чудаковатых,
В игре готовых лечь костями,
Кому не раз дорогу к МХАТу
Переползал
Зеленый змий.

По долгу
И на нашем спиче
Была рассказана уже
Драматургическая притча
О мудром чеховском ружье.
Был дан совет безусой смене,
Как зрителя околдовать.
Мол, все, что явится на сцене,
Должно стрелять,
Должно играть.
Капризный,
Но любимый всеми,
Он распаялся на миру.

А в это время...
В это время
Я видел странную игру.

Приотворилась дверь сторожка,
И чья-то скрытная рука
Впустила на ковер-дорожку
Лениво-сонного щенка.
Закрылась дверь.

И гость остался.
Щенка заметили в углу,
Когда он юзом подвигался
К повеселевшему столу.

Толпились.
На руках носили.
И, выяснив,
Что это — «он»,
Единогласно окрестили
Красивым именем Додон.
Смеялись гости.
Дина тоже.
И нужно ж было ей спросить:
— Скажи, Додонушка, кого же
Мне за тебя благодарить?

Я знал.
Я знал.
И на коленях
Погладил дрогнувшей рукой
Ответное благословенье
Марьяны
На любовь к другой.

А после,
Не найдя управы
На бунт страстей,
Что грудь терзал,
Рассказанное в прошлых главах
Притихшей Дине рассказал.

Красноречиво, как на сцене,
Делился чувством дорогим.
Зачем?
Любимые не ценят,
Что было отдано другим.

Меня ль,
Себя ли упрекая,
Раздумьем повстречала весть:
— Так, значит, есть любовь такая?
— Какая?
— Вот такая!
— Есть.—
Еще задумчивее стала,
Еще грустней,
Еще бледней.
— Так, значит, есть, а я не знала...
— Ну полно, Дина!
— Не жалеи...

На коврике дремавший мило
Щенок, непризнанный герой,
Уже сыграл,
Но это было
Еще не главною игрой.

* * *

Любовь!
Горят ее костры,
Мудреют люди в добром свете.

Любовь и Правда —
Две сестры,
Идущие через столетья,
Две песни счастья и добра,
Всегда звучащие призывно.
Одна беспечна и наивна,
Другая сдержанно-мудра.
Когда они придут к порогу,
Ты дверь души
Для двух открой.
В наградах первой
Мало проку
Без одобрения второй.
И потому, себя не радуя,
И гордый
И суровый Дант
К любимой,
Как за высшей Правдою,
В чудовищный
Спустился Ад.

А цех
Не древнее предание,
Дверь проходной
Не темный грот.
Земным,
Но трудным испытанием
Меня испытывал завод.
Огнями,
Громом,
Грозной силищей,

Усладой,
Мукою труда
Он был и Адам,
И Чистилищем,
И даже Раем иногда.

Здесь мир тревог
Из-за тревожности,
Которой людям не избыть,
Здесь безграничные возможности
И не любившим полюбить.
В горячий час,
В минуту жаркую,
Когда с души слетает ржа,
Как будто огненною сваркою
Приварится к душе душа.
И чудо явится мгновенное.
Зажжет глаза, сгоняя стынь,
Пронзительная,
Автогенная,
Тебя сжигающая синь.

Ударит этот свет разящий
По заблуждению и лжи.
Перед любовью настоящей
Ты станешь сам себе чужим.
Лицо померкнет дорогое,
И потускнеет взгляд родной.
В ту пору именно такое
Случилось с Диной
И со мной.

Грустила
И все реже пела,
И не было в глазах огня.
Потом она повеселела,
Но как-то странно:
Без меня.

У пса
На все дары базара,
Несла ли Дина,
Я ли нес,
Вставали уши, как радары,
К руке тянулся чуткий нос.
Наш пес,
Он рад был встрече каждой,
Ценя безбедное житье.
Так долго было.
Но однажды
Не принял,
Не узнал ее.

От новой юбки,
Модно сшитой,
Не взявши сладости с руки,
Он возвратился как побитый
С глазами, полными тоски.
Лег рядом,
В непонятной злобе
Хвостищем по полу стуча,
Глядел на Дину исподлобья,
Предгубье морщил и урчал.

Смешной казалась мне картина:
Как будто дом уже не дом,
Бледнела
И стояла Дина
Преступницей перед судом.
— Да что с тобой?! —
Что было с нею,
Метавшейся потом во сне,
Понятней было и яснее
В ту ночь Додону,
А не мне.
Когда в житейском полумраке
Приходит к нам измены час,
То наши чуткие собаки
О женах знают
Больше нас.

Ушла.
Играть не стала в прятки.
Оставила на долгий срок
Из ученической тетрадки
Поспешно вырванный листок...

Ушла.
Уехала.
Умчалась.
Свершилось.
Между тем скажу,
Письмо глаголом начиналось
Несовершенным:
Ухожу.

* * *

«Я ухожу...
И нет возможности
Укрыться сердцу моему
От разговоров,
Полных пошлости,
От всех вопросов:
Почему?

Есть сон любви,
Есть пробуждение.
Мне стало стыдно, дорогой,
Все время быть на иждивении
Твоей большой любви
К другой.

Мы жили
Как на даче дачники:
Еще тепло —
И можно жить.
Из неудач
Двух неудачников
Большого счастья
Не сложить.

В твою любовь
Вошла я бедною,
Разбогатела — и бегу.
Пойми, сестрою милосердную
При сильном
Быть я не могу.

Прости.
Откинув совесть ложную,
Я перестала выполнять
Свою задачу невозможную:
Любовь
Собою заслонять.

Я отхожу...
Душой не праздную,
Не уношу с собою зла.
Любовь не может быть несчастною,
Какой бы трудной
Ни была.

Я плачу...
Может, и разлукою
Не сгладить мне твои черты.
Прости, родной!
Мне стало мукою,
Что я счастливее,
Чем ты...»

* * *

Ушла...
Конец...
Как ночь дождливая,
Как расплетенная коса,
Страсть темная,
Самолюбивая
Заполонила мне глаза.

Само, казалось, сердце вынуто
И в грязный брошено кювет.
Всё, всё —
«Покинутый!
Покинутый!» —
Со всех сторон
Кричало вслед.

Душа — скворечник.
Сходство грубое,
И все ж сравню их, нагрубив:
Где нет скворцов,
Там воробьи,
Где нет Любви,
Там самолюбие.

Не в поисках Любви да истины,
А чтобы снять усмешки с лиц,
Я душу легким пухом выстелил
Для этих самых
Серых птиц.
Устал чужим себя раздаривать,
Забыл мечтать о Высоте.
Как старец,
Начал разговаривать
С Додоном
О житье-бытье.

— Да, брат,
Ни варева,
Ни печива...

Как мне любилось,
Как жилось.
По глупости пооткровенничал,
И вот — расстаться довелось.
Решил ты к правде приохотиться,
Спугнуть туманчик голубой —
И что же?
Вот уже приходится
Мне расставаться и с тобой.
Ну-ну, терпи,
Нельзя горюниться,
Пойми значение слов простых,
Пойми, Додон,
Пойми,
Мой умница:
Собаки
Не для холостых.
Что достается слишком дешево,
Не берегу,
Не стерегу.
Я поведу тебя к хорошему,
К заботливому старику...

Меня доверчивостью трогая,
Свою выказывая статью,
Еще нехоженой дорогою
Он шел,
Как будто погулять.
Вот и пришли.
Скажу короче я,
Старик был принят им

в друзья.

У старика рука рабочая
Железом пахла,
Как моя.
Вдруг понял все.
Взглянул на Силыча,
С тревогой на меня взглянул.
Уйдешь?
Уйду...
А как же иначе!
Тогда он руку мне лизнул
С такой мольбой,
С таким страданием,
Что в сердце,
Дрогнувшем давно,
Все горестные расставания
Слились в последнее
Одно...

Я убегал.
Постыдный бег.
Шел снег.
Я убегал за снег,
За леденеющие ветви —
Упрячь меня, пурга, упрячь
За белый ветер...
Только ветер
Сам повторял далекий плач.
И даже в цехе стал он бредом.
Когда включился фрикцион,
Мне показалось,
Будто следом
Ворвался плачущий Додон.

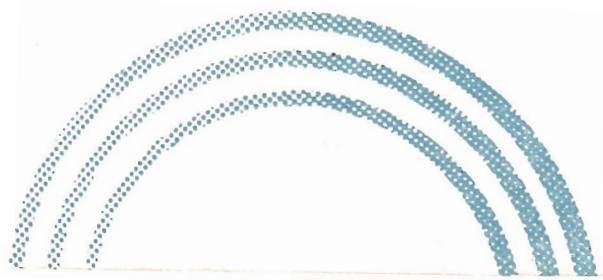
Здесь оборонный,
Здесь нешуточный,
Здесь, будто мир уже горит,
Неумолимый график суточный
Над всеми смертными царит.
Здесь, будто мир
Уже взрывается,
Тебя заботит вся Земля.
Здесь в сторону отодвигается
Невзгода личная твоя.
Взревет мотор,
И ты в горении
Спохватишься —
Пора! Пора! —
Что грозной птице в оперение
Еще не додал два пера.

Намучась,
Думал я в гордыне,
Когда наш самолет взлетал:
Не так ли и бескрылой Дине
Высокие я крылья дал.
Пусть мы расстались.
Как ни странно,
Она права.
Простил я ей.
И в сердце вновь вошла
Марьяна
С печальной верностью своей.

Ушла.
За то не упекаю.
Ушла.
Не пощадила честь.
И значит, есть любовь такая,
И миру хорошо,
Что есть.

ЗЕМЛЯ

И ВЕГА

Vertical text on the right edge, possibly a page number or reference mark.

— Л

етим!

— Куда летим?

— Легим к далекой Бере.

Посадка.

Взрыв.

И мы в стальном ковчеге.

Спешим в бреду

Космической езды

На праздник основания звезды.

Летим сквозь ужас

Тьмы кромешной

В мир молодой,

Безбрежный

И безгрешный,

Летим к полузабытым детским снам...

Земные жены надели нам.

Все позабуди.

Все связи оборви.

Кровь остуди.

Угомони смятенье.

Нет, все же тяготение любви

Всесильней,

Чем земное тяготенье.

Ночь.

Ночь.

И ночь.

Здесь не бывает дня.

Мы среди миров блуждающих повисли.

Чем невесомей тело у меня,

Тем тяжелей,
Тем полновесней мысли.
О эти мысли!
Как-то невзначай
Сказал «прощай»! —
И стало вероломным,
И стало это самое «прощай»
Таким тяжелым
И таким огромным!

Земля!
Тревожно за нее порой,
Как будто в тесном доме
Без привычки
Детей своих оставил за игрой
И не прибрал,
И не припрятал спички.

Взгляну вперед —
И дивно для очей:
Бока планет
В космической пустыне
Шершавятся, как дыни на бахче,
Клянусь Землей,
Как золотые дыни!

Там в тишине
Зудит,
Гудит оса...
Всё ближе.
Громче.

В аспидном тумане
Ракета встречная.
И голоса,
И неземные лица на экране.

Блестят зрачки,
Большие, как очки.
Хмельны,
Шумны,
Обличием не стары,
Летят,
Поют...
Куда, весельчаки?
Откуда вы, небесные гусары?

Все отошло.
И милую не жаль.
Ни перед кем не чувствую вины я.
Обида,
Ненависть,
Тоска,
Печаль —
Понятья исключительно земные.

Но нет.
И здесь любовь и боль в ходу.
Где Млечный Путь
С другим сходился Млечным,
Я, ставший между звезд
Почти беспечным,
Подслушал стон
И подсмотрел беду.

Беда — везде беда,
И стон есть стон,
Земной ли наш людской
Или вселенский.
А стон все громче...
Ну откуда он?
И этот тихий плач,
Гортанный,
Женский?

И наконец,
Заняв экран большой,
Сначала смутной,
Легкой-легкой тенью,
Из дальней
Из галактики чужой
До нас дошло
Печальное виденье.
Он умирал.
В скорлупке корабля
Их было двое.
Было только двое!
Он умирал,
Бог весть о чем моля,
Упав в ее колени головою.
Она шептала странные слова
И кудри гладила.
Глядел с экрана
Застывший страх,
Почти как у Марьяны
В момент паденья
Нашего «ПО-2»...

Что нужно вам
В холодных безднах тьмы,
Вам, любящим друг друга?
Как нелепо!
Инопланетцы, неужель и вы
Здесь ищите
Свое Седьмое небо?
И я ищу,
И у меня есть флаг
И страстных
И опасных путешествий...
А если умирать,
Я б умер так,
Да, только, только так:
С любимой вместе.

Сородичам
Земле нас не предать.
Нетленные, орбиту туманной
Мы стали бы звездой безымянной
Летать...
Летать...
Летать...
Века летать!

Но вот и Вега.
Описали круг,
Упали кошкой на стальные лапы.
Долой ремни,
Распахиваем люк,
Бросаем трап,
Спускаемся по трапу.

Нисходим вниз,
Как на морское дно,
Где все синё:
И небо и полянки.
Не знающие горя вегианки
В больших цветах
Подносят нам вино.

И девушка,
Заметив, что кипучей
Не смею влагой губы замочить,
Показывает что-то,—
Видно, учит,
Как пить вино...
Меня ли ей учить!
Лепечет что-то...
Ласковым участием
И нежностью
Не мог я пренебречь.
Как только принял
Звездное причастье,
Понятной стала неземная речь.

Мой пышный чуб,
Служивший мне до срока
Подмогой в незавидной красоте,
Стал станцией приема биотоков,
Чтоб говорить
С живущей на звезде.
— Хорошая! —
И слышу, сердце бьется,
Мое ответным чувством взвеселив.

Все понимает,
Радостно смеется
И отвечает:
— Милый сын Земли...

В саду гуляем тихо,
Птиц не будим,
Беседуем без слов,
Вопрос — ответ,
И в полумраке маленькие груди
Томливо излучают
Теплый свет...

И вот одна,
Светившая округло,
Под жесткою рукой моей
Потухла.

И я услышал крик ее стыда,
Немой укор,
В меня успевший влиться:
— О сын Земли, я молодая жрица
В ареопаге звездного суда.
Мы судим всех,
Забывших о прекрасном,
Мы судим многих,
Кто в земном краю
Не из большой любви,
А из соблазна
Любил,
Страдал
И тратил жизнь свою.

Сказав, ушла.
Молю ее:
— Постой! —
Ответ доносит
Чувство мне шестое:
— О сын Земли,
Мы судим чистотой!
О сын Земли,
Мы судим красотою!

* * *

Земля!
Что может быть красивее!
Летел на праздник я...
А тут!..
Ведут,
Ведут,
Ведут Василия
На непонятный
Звездный суд.

По синь-пескам,
По мхам распластанным
Сто юных жриц,
Красой светя,
Ведут меня,
Земного мастера
Штамповки,
Ковки
И литья.

Красиво,
Как на райской каторге.
Ведут.
Дороге нет конца.
Ведут.
Уже прошли три радуги,
Три арки судного дворца.
На этот раз пред хитрой карою,
Должно быть, так заведено,
В цветке подносит мне вино
Старуха старая-престарая:
— Испей! —
И, тронутый поблажкою,
Пью — отливает кровь от щек.
— Что ощущаешь?
— Старость тяжкую.—
Старуха рада.
— Пей еще.—
И показала мне овальное,
Оправленное стеклецо,
И отразила гладь зеркальная
Мое потухшее лицо,
Глаза холодные,
Уставшие
Под жалкой вывеской бровей.
— Что жаль?
— Жалею дни пропавшие,
Любовь, не ставшую моей.
Все, все жалею,
Что непочатым
Оставил на земном пути...—
Она раскрыла двери створчатые,

Сказала:
— А теперь иди.
У молодого мало жалости,
Что юным приговор судьи.
Теперь ты старый,
А у старости
Сильней раскаянье.
Иди!

* * *

Земля!
Страшны суды вегейские!
Тебе ль, мудреющей в труде,
Передавать дела судейские
Чужой,
Неласковой звезде.
Меня обидели, ославили,
Меня до времени состарили.

Так вот зачем вино я пил!
В тяжелом непривычном шаге
Через порог переступил
И отступил
В невольном страхе.

В кругу,
Куда меня ввели,
Увенчанного сединою,
Сидели женщины земли,
Любимые когда-то мною.

Боль.
Жалость.
Страх.
Усмешка уст.
На лицах некогда любимых
Так много отразилось чувств
И схожих
И разноречивых.

Из всех,
Любивших допьяна,
Из всех, в любви неопьяненных,
Из всех судивших лишь одна
Глядела на меня влюбленно.
Как в ту весну,
Как в том саду,
Как в ту прощальную беседу:
— Когда ни позовешь — приду,
Куда ни позовешь — приеду! —
Как в ту весну,
Как в том саду,
Как в пору клятвенного пыла.
Не звал.
Примчалась на звезду.
Обиды, горечь —
Все забыла.
Примчалась
И свою печаль
Переложила мне на плечи.
Тех, кто забыл меня, не жаль,
Им легче,
Той вон, рыжей, легче.

Не смейся.
На Земле ругай,
А здесь убитому тоскою
Усмешкою не намекай
На унижение мужское.

В ту ночь
К костру твоих волос,
Светивших искорками всеми,
Я муки робости принес
И нежности большое бремя.
В ту ночь не понимала ты,
Что счастью
Более, чем скупость,
Мешает легкая доступность
И постижимость красоты.
Минуты первой не порочь,
Я за нее стыжусь не очень,
Ведь судят не за эту ночь,
А судят за другие ночи.
За те,
Развеявшие страх,
Когда, укрывшись темнотою,
Все чистое и все святое
Сжигал я на твоих кострах.

Среди сидящих предо мной
В прохладе синего тумана
Ищу глазами:
Где Марьяна?
И слышу голос неземной:
— Сюда, чтоб суд тебя судил,

Могли явиться по условию
Лишь те, которым ты платил
Не настоящею любовью.
В покои судного дворца,
Согласно правил, были вхожи
Лишь те, чьи юные сердца
Ты в лучших чувствах обнадежил...

И все же я,
Какой ни есть,
Заспорил на звезде, как дома:
— Но почему и Дина здесь,
Сама ушедшая к другому?
Она же счастлива, любя?
— Да,— отвечали мне игривей,—
И все же, не познай тебя,
Была б она
Еще счастливей.

Вмешалась
В сумерках ветвей
Обиженная мною жрица:
— Ей память о любви твоей
Мешает счастьем насладиться.

А та сидит,
Потупив взор,
Не веря в то, что я преступен.
Ей наш эфирный разговор
Был совершенно недоступен.
Ах, Дина, дело не в словах.

Как быстро ты,
Меня бусы,
Прическу,
Блузкой в кружевах
Приладилась к иному вкусу.

Вином,
Испитым мной до дна,
Бедой и муками терпенья
Была способность мне дана
Ее подслушать откровенья:

— Как я обязана душой
Ему, несчастному такому,
Ведь от его любви большой
Зажглась моя любовь к другому.
Слепой, мне хорошо жилось,
Но вскоре поняла его я.
Он был со мной
Как добрый гость,
Даривший счастье гостевое.
И стали страсть во мне гасить
Стыда и скованности муки,
Как будто в праздник
У подруги
Взяла я платье поносить...
Все ж ревности не утая,
Подумала тепло и страстно:
«Где ты, стыдобушка моя,
Набегал этих,
Всяких-разных?!»

И сам дивлюсь.
Соседка Дины
Нежна за двух,
Дерзка за двух,
Не пощадив мои седины,
Заговорила прямо вслух:
— Какие-то мечты, проблемы...
Ты все искал,
То тих,
То зол.
И вот перед тобою все мы!
Что ты искал?
Что ты нашел?
Вот все мы. Все.
Окинь глазами.
И ты, чье имя берегу,
Всю жизнь мотался между нами,
Как в заколдованном кругу.
Вот все мы с жаждою зачатья,
С мечтою в бабьем подоле,
Одною тайною печатью
Заверенные на Земле.

Когда бы я не испугалась
Нечаянных житейских гроз,
Уже давно бы сын твой рос
И утешал бы твою старость.
Скажи мне, что ты приобрел,
Когда по снегу,
По бурану,
Пренебрегая мной, побрел
Искать какую-то Звездану?..

О имя,
Сколько света в нем!
Перед зарею ли,
В ночи ли
Меня с ним, помню, обручили
Еще в младенчестве моем.
Звезда на небе отгорит
И скроется среди тумана,
Мать скажет:
— Вон к тебе летит
Твоя красавица Звездана.

Звездана,
Слышишь ли, родная,
Как, принимая дерзкий вид
И о тебе напоминая,
Земная женщина мне мстит.
Умру,
Не встречу,
Не узнаю,
Бледнея, не прижму к груди.
Землей и Вегой заклинаю:
Приди ко мне!
Приди!
Приди!

Вдруг лестница...
И с высоты
Спешит Звездана.
Ниже...
Ниже...

Уже близка,
Уже я вижу
Давно знакомые черты.
Вот туфельки сняла и к нам
По ступеням
Спешит спуститься —
Так к уходящим поездам
Спешат,
Чтоб ехать
Иль проститься.
Померкла красота земных,
Но нет обид и нареканий.
Все, все,
Что нравилось мне в них,
Теперь слилось в одной Звезде.

И вот она.
Конец погоне.
Я нежно взял в полукольцо
Своих натруженных ладоней
Ее небесное лицо.
Я взял его,
Чтоб надивиться
В награду за любовь и труд,
Как воду из ручья берут,
Когда хотят в пути напиться.

Любовно глядя мне в глаза,
Ресницы сизые смежала.
На девственных губах дрожала
Скупая звездная роса.

И вдруг почувствовал смущенье,
Как перед дочерью родной:
Да, грех любви ее со мной
Грехом бы стал кровосмешенья.
А я ведь, гордый,
В дни страданья
Ее придумал для себя.
Она мечты моей созданье,
Душа моя
И плоть моя.

Я отдал годы.
С каждой тратой
Она мне делалась родней.
И вот все отданное ей
Теперь становится преградой.
Ах, раньше б!
Прежде трата сил
Меня с мечтой не так роднила.
— Скажи, родная,— я спросил,—
Что ж раньше ты не приходила?

Все поняла.
Затосковала.
— Пришла б,— сказала дочь Звезды,—
Но у меня недоставало
Какой-то маленькой черты.
Была бы я чуть-чуть иная
Без этой черточки одной,—
Ее искал,
Теперь я знаю,
Какой-то юноша земной,...

Черты

Жемчужинками в море
Я для тебя искал, мечта.
Мне обошлась в громаду горя
Твоя последняя черта.

Ошибся раз — и стан твой гибок.
Ошибся два — и ты умна.
Ты из цепи моих ошибок
И заблуждений создана.
Найду любовь и не поверю,
Несхожести не потерпя.
Что было для меня потерей —
Находкой было для тебя...

Уже огни на Веге гаснут,
А мне неведомы пути.
Ты так светла,
Ты так прекрасна,
Пройди со мною,
Посвети!

* * *

Земля моя,
Моя родная Русь,
Везде с тобой
Мое земное сердце.
Неужто я,
Когда домой вернусь,
Услышу плач
И стоны погорельцев?

Земля моя,
Тревожно мне порой,
Как будто в тесном доме
Без привычки
Детей своих оставил за игрой
И не прибрал,
И не припрятал спички.
И потому
На небе на Седьмом
Тревожусь я делами цеховыми,
Ведь мы на самолете боевом
Кроили крылья
Слишком голубыми.

Истратив звезд
Запас словесный,
Я разговаривал с родной
И поверял душе небесной
Сомнения души земной.
Я говорил:
— Здесь вянет тело
Перестоявшею травой.
Летим домой.
Мне нужно дело,
Я человек мастеровой.—
И даже в грусти безотрадной
Ее не тронула мольба.
— Будь счастлив! —
И рукой прохладной
Горячего коснулась лба.—
Прощай...
— Постой, моя краса!

— Нет, я не для судьбы житейской.—
И скрылась,
И в ночи вегейской
Светили мне
Одни глаза...

Очнулся.
Цех гудел в горячке.
Слепой,
Еще во власти снов,
Я поднял голову от пачки
Дюралюминьевых листов.
Еще любимый голос слышал.
Был поздний час,
И, как всегда,
В полете застекленной крыши
Все та же виделась звезда.

* * *

Что сон?!
Фантазия!
Наитье!
Но станет жизнь вдвойне ясна,
Когда реальное событие
Ворвется продолженьем сна.
Гагарин!.. Юрий!..
В счастье плачу,
Как будто двадцать лет спустя,
Отбросив тяжесть неудачи,
Взлетела молодость моя,
Все близко сердцу.

На планеты
Как будто я и впрямь летал.
Скажи, горячего привета
Мне там никто не передал?

И не стыжусь,
И не краснею,
Что ты, свершая свой полет,
На двадцать лет пришел позднее
И на сто лет уйдешь вперед.
Мы люди разных поколений,
Но на дороге голубой
Я рад всем точкам совпадений
Моей судьбы
С твоей судьбой.

Чем круче хлеб,
Тем жизнь упорней.
Я рад, что мы с тобой взошли
От одного большого корня
Крестьянской матери-земли.

Деревня,
Школа,
Логарифмы,
Литейка,
Лётная пора.
Все было схожим, даже рифмы
На остром кончике пера.
Мы жили словно в дружной паре,
Точнее — шли мы следом в след.
Я просто Горин,

Ты Гагарин,
Но двадцать лет
Есть двадцать лет!

Недаром же
По воле века,
Приход достойных торопя,
Меня испытывала Вега,
Чтоб не испытывать тебя.
Чтоб волю дать твоим дерзаньям,
Когда ты рос, как все, шая,
Меня подвергла испытаньям
В те дни тревожная Земля.

Чтоб, дерзкий,
Ты взлетел с рассветом
И возвратился в добрый час,
Мы всё стерпели, но об этом
Я поведу другой рассказ.
Я расскажу иными днями,
В словах по сердцу и уму,
Какими трудными путями
Мы шли к полету твоему.

ПАМЯТЬ

ВЕКА

Т

ы, критик,
Как бы мы ни пели,
Не говори, впадая в страх,
Что наши песни не созрели
Судить о горьких временах.
И не советуй нашим лирам,
Воспевшим честные бои,
Отдать трагедии свои
Иным векам,
Иным Шекспирам.

Над нами, говоришь, не каплет,
Повергнут, говоришь, Макбет...
Но жив народ — извечный Гамлет.
Быть иль не быть?
Подай ответ.

Закрытое плитой надгробной,
Уже зарытое навек,
Непознанное зло способно
Недобрый выбросить побег.

Брат Родину любил. За это
Врагами был он оклеветан
И на крови тюремных плит
Был именем ее убит.

Что из того, что честный воин
Погиб не в тысячном строю!
Он тех же почестей достоин,
Как и погибшие в бою.

Но, возвратясь
Под наше знамя,
Он, мертвый,
Нас, живых, винит.
Пойми же, Родина глядит
И судит
Нашими глазами.

Для трех,
Для двух,
Для одного
Обиженного человека
Есть память лет...
А память века —
Для человечества всего.

* * *

Та жизнь
Еще не стала сном,
Не позадернулась туманами...
Березы, помню, под окном
Струились белыми фонтанами.

Беда не виделась бедой.
Ласкал мой взгляд
Зарею розовой
В прожилках четких,
Как литой,
Зеленый,
Нежный
Лист березовый.

А между тем
Над боевой,
Над озорной,
Над невезучей
Моей высокой головой
Ползли предгрозовые тучи.
И солнце из-за темных гряд
Блестело то орлом, то решкой.
Друзей сочувствующий взгляд,
Потайных недругов усмешки.
Ни добрых слов,
Ни теплых рук.
В ладонях — скуповатый выем.
Передо мной, как перед Виём,
Чертили отчужденья круг.
Как перед ним,
В глазу — по свечке.
При встрече, чтобы не пугать,
На боязливых человечков
Не смел я веки поднимать.

А грудь гудела, как набат.
Куда пойти?
К кому податься?
Пришел к друзьям.
— Да что вы, братцы?!
— Брат негодяя нам не брат! —
Мне и Борис руки не подал.
Багровей, чем вареный рак,
Скривился.
— Брат врага народа
Потенциально... тоже враг...

И мысль,
Как молнии разбег,
Застыла, не стирая ночи,
Что в осуждении жесточе
Бывает подлый человек.
Другая разум потрясла:
Кто в чистоту теряет веру,
Теряет истинную меру
В понятии
Добра и зла.

В тот час,
Когда пошел караться,
Все шмыгало куда-то вбок.
Казалось, стала вырываться
Сама земля
Из-под сапог.

И пусть!
Перед лицом закона,
Перед тобой, любовь моя,—
О, смертный стыд! —
Предстану я
Как брат
Японского шпиона.

* * *

Глядел,
Припоминая брата,
И говорил: родился я
Под орудийные раскаты,

Почти как царское дитя.
Слепые осенив бараки,
Припламеневшие к цевью,
В то утро огненные флаги
Согрели небо
В честь мою...

А через год
Не от пирожного,
Не от медов в златом ковше
Везли меня сквозь хмарь таежную
Ко хлебной дедовой меже.
В час отдыха
Меж невоспетыми,
Но не забытыми досель,
Между оглоблями воздетыми
Моя качалась колыбель.
Сама тайга меня качала
На зависть лиственным лесам
И положила там начало
Моим стремленьям
К небесам.

Припоминал
О школьной парте,
О хлебе, что учил труду.
— О брате!..
— Говори о брате!..
— Не торопи... К нему иду...
Не торопи.
Послушай, Борька,
Все, все скажу, не умолчу.

Он брат, и не по крови только,
А больше:
Брат по Ильичу.
Бойцы, умевшие все вынести,
От бед не отводили глаз.
Как эталоны справедливости,
Они ходили
Среди нас...

Тогда,
Шумевший, как немногие,
Готовый на любой навет,
Борис мне бросил:
— Де-ма-го-гия!..
Я нарисую твой портрет.
Все расскажу,
Открою начисто,
Как ты,—
Перекривил он рот,—
Из-за преступного лихачества
Разбил советский самолет.

— Факт?
— Факт.—
Торжествовал он:
— Так-то!

Не ведал я,
Что два лица
Бывает у любого факта:
Для честного
И подлеца.

— Факт?

— Факт.

И снова
Краской черной,
В себя омакивая кисть,
Чужой,
Постыдной и позорной
Изображал мою он жизнь.
Недоставало только стражи.
Мне в усиление вины
Все ставилось в строку, и даже
Мои космические сны.

Страшнее всякого порока
Изображалась в той строке
Моя шумливая тревога
О неосвоенном пике...
Моя любовь,
Мой свет единый,
И мой восход,
И мой закат.
Так лгал он,
Что в уходе Дины,
Казалось, был я виноват.

Молчал.
Хотя для оправданья,
Лишь тронь,
Сказало бы само
Лежавшее в моем кармане
Ее прощальное письмо.

Когда уже совсем поник,
Уже пошел куда-то книзу,
Услышал я Марьяны крик,
Как две пощечины Борису:
— Ложь!
— Ложь!..

Потопленный,
Из рямины
В полупритихший глядя зал,
Увидел я глаза Марьянины...
Глаза Марьянины...
Глаза...
Одни глаза...
Большие...
Карие...
В них страх горел,
И стыд в них рдел,
Как будто тесный зал летел,
Как самолет
Летит к аварии...

* * *

И ушел я, преступный...
И не только Седьмое,
Стало мне недоступно
Небо даже простое.
Высота отблестала,
И дорога в развилке
Узким горлышком стала
Недопитой бутылки,

Быть с ней
Сердцу дешевле.
Постигается легче
Лебединая шея,
Голубиные плечи.

Ночь идет, нависая,
Ночь идет, и за полночь
Завихлялась «косая»
Ресторанная сволочь.

Разжижение плоти.
Торжество круговерти.
Как на всяком болоте,
Появляются черти.

И, развязный и резвый,
Плыл он сном ресторанным.
Бойтесь, ежели трезвый
Занимается пьяным.

— Ты же болен?
— Не болен.
— Ты здоров?
— Я калека.
— Чем ты болен?
— Я болен
Всеми болями века.—
Хмыкнул.
— Глупая ноша.
— Не умею иначе.
— Века нет.

— Тогда что же?!
— Лишь минуты удачи.

Я поднялся,
Встревожен,
Отряхнулся от пьянства
И ударил по роже
Мировое мещанство.
Крикнул, все еще дюжий:
— Топчите! Пляшите!..
А вот этого в луже
На мой счет запишите!

* * *

Все рушилось.
Хмельному мнилось,
В глазах — Помпея...
Свет и тьма.
Труба кирпичная кренилась,
Качались люди и дома.

На площади,
Где гимны пели,
Казалось, ставши на вулкан,
Пошатывался великан
В тяжелой каменной шинели.

Не осуждал его,
Не клял.
Был пьян, а все же догадался,

Что он стоял, что мир стоял
И только я один шатался.
Доверчиво пошел к нему
Искать защиту и опору.
— Нас, гордых, бьют... А почему
Услужливые лезут в гору?
Зачем в чести чиновник-трус
И карьерист особой масти,
Которым попривили вкус
К твоим цитатам,
К славе,
К власти?

.

Кто страхи превратил в закон?
Кто мою веру вынул вон?
Кто зло внушил:
Казнись, Василий!
Не знаешь?
Горю не помочь?
Так для чего ж
Мне эта ночь,
Перед которой
Я бессилён!

Огромный,
Каменный в беде
И несгибаемый к обиде,
Он слишком далеко глядел
И, кажется,
Меня не видел.

* * *

И дом — не дом.
Из темноты
Светились, распуская косы,
Три белостройные березы,
Как три богини красоты.
Прощался с ними,
С их листвою:
Прощай, любовь...
Прощай, родня...
Уйду! На все глаза закрою.
Уйду! Живите без меня.

Вдруг скрип...
Вдруг шорох...
Кровь застыла...
Марьяна — как она смела! —
Вошла, спиною дверь прикрыла
И, как распятье, замерла.
Спросила:
— Где ты, дорогой? —
Прислушиваясь и ступая,
На вздох мой трудный,
Как слепая,
Пошла с протянутой рукой.
Близка до умопомраченья,
Склонилась надо мной, нежна:
— Вот я пришла...— и горячее,
Тревожней,
Тише:
— Я пришла...

Молчал.
Ожесточенно. Тупо.
Казалось, что совсем оглох,
Казалось, что пристыли губы,
Казалось, что язык отсох.
Но, ослабевший, онемевший,
Далеким сердцем слышал я,
Как по крови охолодевшей
Текла горячая струя.
Любовь, обида — все смешалось.
Обидней всех иных обид
Была ее ночная жалость,
Принесшая мне боль
И стыд.

— Ты недоволен?
— Мне не нужен
Любовный дар чужой жены
Во искупление вины
Исклеветавшегося мужа...
— Не смей!..
— Нет, смею.
— Ну, взгляни...—
И все клонилась
Ниже... Ниже...
— Уйди! Уйди!..
— Да не гони же,
Да не гони же, не гони.
Ведь я твоя...
Припомни, милый,
Полет бедовый нас роднит.
Пусть та беда разъединила,

А эта пусть соединит.
Мой горестный,
От наговоров,
От всех,
От всех,
От всякой лжи
Давай через леса и горы
Мы к нашей речке убежим.
Туда, где лес
В зеленом дыме,
Где нас с тобою ждут давно
И волны те... И золотыми
Песками
Высланное дно...

И бредила
И принижалась
В слезах,
Как горчицвет в росе.
И грудью ко груди прижалась,
Щекой к щеке,
Слезой к слезе.
Уста подстерегли уста,
Исток притяготел к истоку.
Порок жесток.
А чистота,
Она по-своему жестока.

Нет,
Я не принял праздник страстный,
О том лишь думал, чтоб она,

Как ни мала моя вина,
Не становилась
К ней причастной.
Смущенная,
Уже дичилась.

— Все понимаю...
Не сержусь...
Но все равно,
Что б ни случилось,
А я к Борису
Не вернусь...

Вскочил.
Пустынно.
Нет Марьяны.
Была ль?
Лежит платок.
Была!
Качаясь,
Морем-океаном
Куда-то комната плыла.

* * *

Куда?
Ты сам судьбою правь,
Любовью, даже в час гоненья,
В окно, как за борт,
Вниз — и вплавь,
Захлебываясь в белой пене,

Гонись за нею до зари,
Гонись,
Гонись,
В нее лишь веря,
Бери с волны,
Со дна бери
И выноси ее на берег.

У площадей,
Как у морей,
Булыжной рябью
Лона вздулись.
В притухшем свете фонарей
Медлительны теченья улиц.
Кружу в отчаянном кругу.
Из переулков,
Из круженья,
Как потерпевшего крушенья,
Меня прибило к тупику.

Калитка
В дождевых накрапах.
И за калиткою — в разгон,
До плеч закидывая лапы,
К моей груди припал Додон.
С упреком и веселым плачем,
Еще боясь,
Что прогоню,
Косматая душа собачья
Признала скорбную мою.

Уж он-то знал,
Кто друг,
Кто враг.
Впервые в жизни,
Пса лаская,
Увидел я, что у собак
Улыбка добрая такая.
Ворча, как бы чуть-чуть браня,
Со всей догадливостью зверя
Он перед Силычем у двери
Ходатайствовал за меня.
Старик впустил.
Вошел из ночи я
И сразу понял:
Мы друзья.
Как у него рука рабочая,
Железом пахла и моя...

* * *

Стол.
Сидим.
Привыкший к ремеслу,
Извлекаю тайное наружу.
По детальке малой, по узлу
Разбираю собственную душу
И кладу на стол.
Кладу.
Кладу.
Нежное, Марьянино,— в сторонку.
Кажется, на чистую клеенку
Выложил я всю свою беду.

Осмотрел он
Душу инженера.
Осмотрел,
Потрогал хворь ее
И спросил:
— А вера где?
Без веры
Это не душа.
Утильсырье!

Злись,
Но верь.
Гони слепую месть.
Будь собою, думая о брате.
Только вот еще другие есть,
У которых вера по зарплате.

И враги
И всякое жулье
В революцию и раньше лезли.
Но сильно доверие к ней, если
Бьют враги лишь именем ее.
Верь и верь,
Как веришь ты в металл.
Нынче наша вера
В нашем деле.—
Помолчал.—
Я Ленина видал...
И хранить его
Не перестал
В глубине души,
Как в Мавзолее...

С верою,
Что не поддамся злу,
Что в тоске
Перед бедой не струшу,
Снова по детальке, по узлу
Для борьбы
Собрал он
Мою душу.

Поклоняясь
Скромным именам,
В знатные
И модные не лезу.
Силычи! Я благодарен вам
За родство
По крови и железу.

* * *

Болеют люди.
По наитью
Мудрим, гадаем:
Чем? Бог весть!
Умрут — и обнаружит вскрытые
Их застаревшую болезнь.

С той площади,
Где гимны пели,
Перестоявши ураган,
Ушел однажды великан
В тяжелой каменной шине.

Уже полжизни,
Как твержу я,
Хлебнувши горького до дна:
У мещанина и буржуа
Природа подлая одна.
Как тощий клоп
Из узкой щели,
Трави его иль не трави,
Так мещанин,
Идущий к цели,
Не пощадит чужой крови.
Такие — им же несть числа! —
Наглеют,
Начиная робко.
Мещанство —
Старая похлебка,
Где вызревает
Вирус зла.

И где-то очень далеко
Уже текла,
Уже кипела
Кровь астурийских горняков
И андалузских виноделов.

Как пламя по сухой стерне,
Чужая,
Ко всему глухая,
Война,
Все жарче полыхая,
Катилась к нашей стороне.

Была добра моя держава,
Спокоен был наш мирный Брест.
Вот Прага пала.
Вот Варшава.
И — взгляд во взгляд:
Звезда и крест.

Пред нами,
Торопя закат,
Как перед новою ночевкой,
Выламывался психопат
С банальной воровскою челкой.

Навстречу в норове крутом
Так нужно было встать кому-то,
Стать знаменем...
Причина культа,
Быть может,
И таится в том?

Не в том ли,
Что свой мудрый дар
Смешал он
С хитростью лукавой:
Тушить, как лесники пожар,
Чужую славу
Встречной славой?

Что б ни было:
Большое: ль званье,
Успех иль неуспех в делах,

В природе чинопочитанья
Гнездится обоюдный страх.

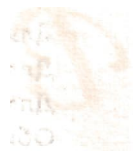
Страх сильных — кровь...
И что страшнее:
Не верил нашим он сердцам,
Как будто коммунизм нужнее
Вождю народа,
А не нам.

.

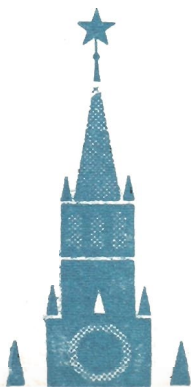
Для всех,
На ком остался след
Отверженности,
След изгнания,
Он, мертвый, нужен,
Как признание
Преодоленных нами бед.
Зарыт. Во славу новых дней
Почти забыт.
К чему касаться!
Но мне от памяти моей,
От юности
Не отказаться.

Бери
Немаленькую мерку
Минувшему — всему тому,
Что было скроено по веку
И по народу моему.

Для трех,
Для двух,
Для одного
Обиженного человека
Есть память лет.
А память века —
Для человечества всего.

МОСКВА, МОСКВА...

Всю жизнь мою,
Бывало ль хорошо,
Бывало ль плохо мне,
Не за наградой,
К тебе, Москва,
Я не за славой шел,
К тебе, Москва,
Я шел всегда за правдой.

Известна прежде
Кривостью своей,
Сильна поныне
Жесткой директивой,
Москва, Москва,
Будь с каждым днем прямой,
Москва, Москва,
Будь с каждым днем
Правдивей.

Тебя впервые
Видя из окна,
Не ахал я,
Не охал я при въезде,
Как будто виделась мне
Вся страна
В каком-то собирательном
Разрезе.

Да, да, Москва,
По улицам кривым

Пока в тебе
Доедешь до столицы,
Ты взору явишься
Во многих лицах:
Сельцом,
Селом,
Поселком заводским.

Пока минуют
Улиц рубежи,
Пока спидометр
Гасит километры,
Мелькнут дома
Заштатного райцентра,
Проскочат
Областного этажи.

Но Кремль,
Но Мавзолей
Запомнил я.
Рубины звезд
В беломорозном дыме
Над древними
Шеломами Кремля
В ту зиму были
Очень молодыми.

Уставшей,
Но глядевшей свысока,
Тебе к лицу была
Твоя обнова.

Под Новый год
В конце сорокового
Такой тебя
Увидел я, Москва.

Мне той поры
Тревожной не забыть,
Когда, подвох
Предвидя сатанинский,
Все свои крылья
После «малой» финской
Моя страна
Спешила заменить.

Стареет все.
Нежданно устарел
Наш бомбовоз,
А время — насмерть драться.
Тогда-то, мастера
Крылатых дел,
Слетались мы к тебе
Стажироваться.

Мы торопились
Окрылить страну,
Прикрыть с высот
От края и до края...
Уже тогда
Работа заводская
Напоминала звуками
Войну...

* * *

Здесь, что ни звук,—
Досрочная борьба.
Есть звук.
Как одиночная стрельба.

Есть звуки,
Долетающие слабо,
Есть звуки однозвучные,
Как залпы.

Есть звуки нижних,
Звуки верхних нот.
Бьет миномет,
Стрекочет пулемет.
Грохочет пушка.
На вершине хора
Все покрывает
Львиный рев мотора.

А если звуки
В краски перевести
И посмотреть на них
В момент разгара,
То в этих красках
Будут жить и цвести
Все краски
Азиатского базара.

По малым звукам
Накопляя гром,

Что потрясет потом
Дома и рощи,
Здесь строился «ПЕ-2»,
Бомбардировщик,
Пикирующий
Под крутым углом.

Весь новенький,
Всего вчерашний,
Сиял он,
Приподняв крыла
И плексигласовые башни,
Высокие как терема.
В нем было все для удивленья,
Все, все —
От башен, дивных нам,
До хвостового оперенья
С двумя киями по бокам.

Как сын свободы,
Что звала на труд,
Как сын неволи,
Зачатый в страданье,
«ПЕ-2» творился
В том суровом зданье,
Которое Лубянкою зовут...

Не видевший
Ни звезд, ни облаков,
И страху и безверью
Не подвластный,

Его творил
Лобастый,
Коренастый,
Твой сын, Москва,
Владимир Петляков.

Да, было так.
Когда клеветники,
Оклеветав,
Дрожали от бессилья,
Он даже там,
Навету вопреки,
Отращивал стране
Большие крылья.

Таким он
И стоял невдалеке
И объяснял,
Сбивая нашу радость:
— Одна беда:
Сегодня при пике
Машине что-то
Не дается градус...

Мы понимали,
Были не темны,
Что градус тот,
Не давшийся заводу,
Мог подтвержденьем стать
Его вины,
Что снял он подвигом
Всего полгода.

Стоявшего
Над кипой чертежей,
Начертанных
За дверью каземата,
Спросить хотелось:
«Не встречал ли брата
На переходах
Скорбных этажей?»

В окно влетал
Еще не смертный гром,
Но в нем уже была
Его природа...
Как мне ни горько
Говорить о том,
Все войны начинаются
С завода...

Здесь, что ни звук,—
Уже борьба, судьба.
Есть звук
Как одиночная стрельба.

* * *

Ходил предпраздничной Москвой
И тосковал тысячеверстною,
Душевною,
Телесной,
Костною,
Таежнотемною тоской.
И больно было, хоть кричи,

Когда вокруг порхали милые,
Как бабочки розовокрылые,
Улыбки женские в ночи.
Вино ли пить, читать ли классиков,
Бродить ли у чужих огней?
Для одиноких нету праздников,
Им в праздники еще трудней.
Так думал я, но думу грустную
Развеяла на стапелях
Письмом, врученным второпях,
Какая-то девчонка шустрая.

В письме был зов.
О, сила зова!
Я растерялся, поражен,
Что так вот странно приглашен
В Дворец культуры Горбунова.
И не заметил на тот раз
Всей книжности
Певучих фраз:
«Придите,
Сбросьте боль отравную...
Средь елок, ставших на виду,
Ищите в залах елку главную.
Пробьет двенадцать —
Я приду».

* * *

Парк.
Через парк
Во мгле пуржистой

Меня тропинка привела
К творению конструктивистов,
Певцов бетона и стекла.
Дворец светился до угара.
Из глубы зала на окно,
Танцуя, наплывали пары
Беззвучно, как в немом кино.

А там,
Подобно водопаду,
Навстречу мне
В сиянье брызг
Все многозвучье маскарада
По лестнице катилось вниз.
Там...
Где-то там стояла ель,
И я по лестнице высокой
Вплывал, казалось, как форель,
Навстречу горному потоку.
Преодолев пролет крутой,
Таинственному зову верный,
Поднялся я до елки первой,
Но по всему еще не той...

О, высота!
О, красота!
Плечами хвойными играя,
Очам предстала ель вторая,
Но по всему еще не та.
Под вальс старинный,
Легкий, плавный,
Звучавший мне издалека,

Добрался, наконец, до главной,
С вершиною у потолка.

.
Я даже вздрогнул
Средь гульбы,
Когда на Спасской,
Рвя со старым,
Год начался глухим ударом,
Недобрым, как удар судьбы.

А время било...
Било...
Било...
Клянусь, не ведая стыда,
Ударов тех
Тринадцать было,
А не двенадцать,
Как всегда...

Я ждал.
Я терпеливо ждал.
Обидно было,
Горько даже,
Что, ставшего
На чуткой страже,
Меня никто не признавал.

Но вот по шумной быстрине
Шла группа летчиков приметных,
Орденосных и портретных,
Давно известных всей стране.

В наградах, в блеске их слиянья,
Играло, золотом горя,
И заполярное сиянье
И халхин-гольская заря.
И чуть темневший на свету,
Среди наград носимый свято,
Негласный в золотом ряду,
Багрец испанского заката...

Шли летчики,
Шли женщины меж них,
И, как бы в фокусе
Живой картины,
Ступала коронованная Дина
В капризном золоте
Кудрей своих.

Как будто
Ничего не изменилось:
Походка та же
И улыбка та.
Все так же лунно,
Матово светилась
Покатых плеч
Лебяжья красота.

Мы любим жен,
Мы женщин обнимаем,
Не постигая
Все-таки душой,
Что красоту их
Лучше понимаем,

Когда она
Становится чужой.

Она шла с мужем,
Как со мной бывало,
И потому
Больнее стала боль.
Но, может быть,
И с ним она играла
Какую-то
Любительскую роль?

И, в ревности
Себя не утешая,
Спросил ее потом
В порыве зла:
— Красивая,
Капризная,
Чужая,
Счастливая,
Зачем ты позвала?

Стирая свет
Благополучья,
По безмятежности лица
Скользнула тень высокой тучи,
Как бы летевшей в небесах.

— Прости...— и стихла, а когда-то
Была неробкой на слова.—
Умом я верю, что права,
А чувствую, что виновата.

Для памяти
Звала метелицу,
Чтоб снег укрыл ее собой,
Но память бродит, как медведица
Над заметенною тропой.
Шекспира ль,
Пушкина ль прочту...
Они писали не фальшивя.
Любви законы там Большие,
А правят Малые в быту.
Мне мука сердце изожгла:
Где истина?
Где откровенье?
Пошла на подвиг, а пришла,
Как баба подлая,
К измене...

Мне оттого и нет покоя,
Затем тебя и призвала.
Когда б ты счастлив был с другою,
И я бы счастлива была...

К нам
Муж ее уже шагал,
Приметив нас
В людском разливе,
И я из ревности солгал,
Сказав, что нет меня счастливей,
Сказал ей, что с конца зимы
Семейным радостям предамся,
Склонился перед ней... И мы,
Как прежде, закужились в танце.

Нарядная стояла ель,
Над ней, высокой, небывало
Пикировала и взмывала
Бомбардировщика модель.

А мы кружили,
Мы кружили...
Просила мидая меня,
Чтобы отныне мы дружили,
Как настоящие друзья.
Чужим весельем не пьянея,
Сказал, предавшись куражу:
— Я с женщинами не дружу,
Я женщин лишь любить умею...

Так я сказал,
Прощаясь с нею,
Веселый покидая зал.
Теперь до боли сожалею,
Что так заносчиво сказал.
Теперь иное откровенье,
Иная правда мне видна.
Любовь способна к перемене,
А дружба более верна.
Любовь!
Нет выше и прекрасней,
Чем обжигающая страсть,
Но человек над ней
Не властен.
Над дружбою
Возможна власть.

Простился я, того не чая
В своей пустой недоброте,
Что снова Дину повстречаю,
Уже не в блеске, а в беде.
О, если б прежде, чем обидеть,
В ревнивую впадая злость,
Я прозорливо смог увидеть
То, что позднее довелось.

О, если б я,
Смирив бредни,
Увидел не веселый бал,
А грузный эшелон последний,
Ночами шедший за Урал...

.

Он, помню, шел,
И расступалась мгла,
И на платформах,
Будто век свой отжили,
Громадились,
На мамонтов похожие,
Остывшие чугунные тела.

И люди, не имевшие вины,
Пригоревались
Под чугунной сенью,
Найдя здесь
Ненадежное спасенье
От холода,
От ветра,
От войны.

И что-то поднялось в моей груди,
И что-то подтолкнуло от вокзала,
И что-то, осеняя, приказало

Властительно:

Гляди!

Гляди!

Гляди!

И я глядел,
С тоскою я глядел
И чуткостью глядел
Почти звериной.
Как бы предчувствуя,
Нашел я Дину
Средь тех громоздких,
Тех чугунных тел.

На прядях снег
Был вроде седины.
Она казалась древней
В темной шали.
Нет, нет, моложе.
У такой печали
Нет возраста.
Все возрасты равны.

Она сидела, не смежая век,
Уставясь холодно и отрешенно
Куда-то вдаль:
За суету перрона,
За фонари,
За белый-белый снег.

Что виделось ей там?
Родной ли дом,
Иль муж ее,
На запад улетевший,
Иль самолет его,
Уже горевший,
Чертивший небо
Огненным крылом?

Что слышала она
В тот снеговой?
Когда бежал я
За платформой длинной,
Когда кричал я:
— Дина!..

Дина!

Дина!..—

Не голос ли его
Был слышен ей?

Снег падал к снегу...
Падал... Долго-долго
Стоял я
Перед снежной пеленой.
Мне виделась
Наряженная елка
И Дина,
Примиренная со мной.
Все вспомнилось:
И конфетти пороша,
И музыка,
И кудри рассыпны,

И смелый вырез платья,
Так похожий
На вырез
Нарождавшейся луны.

• • • • •
* * *

Мы покидали
Опытный завод
И думали, спеша
К ангарским водам,
Что враг нам даст
Еще бескровный год,
А оказалось, дал
Всего полгода.

Заклятый враг
Готовился к броску,
Начальство же,
Беды не разумея,
Еще два дня
Дало нам на Москву:
Доесть,
Допить,
Долюбоваться ею.

С едой бывало плохо,
Шарь не шарь,
Столица ж не пахала
И не сеяла,

Но в пышном
Магазине Елисеева
Высокий собирала урожай.

А рестораны!
Молодость, прости,
Что, в них бывая,
По нехватке знанья
Боялся я
Не так произнести
Столичных блюд
Мудреные названья.

Еда едой,
Хоть голод
Страшный зверь,
Не веселее
Голодать и душам.
В Москве тогда,
Как, впрочем, и теперь,
С духовной пищей
Было тоже лучше.

Прекрасному
С тех пор я счет веду
И жизни приношу
Благодаренье,
Что видел я
Улановой паренье,
С Качаловым сидел
В одном ряду.

Душа моя
Светилась новизной,
Новей, чем холст
При первой нагрнтовке.
Усталым я шагал
Из Третьяковки,
Как после пересмен
Из проходной.
Печальный Врубель,
Нестеров, Крамской,
Что не пришел, еще
О том жалею...
В тот грустный день
Прощания с Москвой
Я тихо продвигался
К Мавзолею...

* * *

Я буду помнить весь свой век
Игру снегов
И холод чертовый.
Мороз и снег,
Мороз и снег,
Как в январе
Двадцать четвертого.
Плечом к плечу,
Плечом к плечу
Мы шли безмолвно.
Снег, не вейся!
Придем из вьюги к Ильичу,
Войдем с мороза и согреемся.

Снег и мороз,
Поток людей
Был смутен
Смутностью былинною.
Противник всех очередей,
Я был доволен
Самой длинною.

Старушка —
Из-за трех одеж,—
Нарушив строгость ненамеренно,
Как будто шла к живому Ленину,
Спросила тихо:
— С чем идешь?

Припомнив
Быль и небылицы,
Я шел к нему,
Продрогший весь,
Что был Он,—
Лично убедиться,
И в том увериться,
Что есть.

Снег,
Снег...
Сквозь снег и ветер адовый,
Что мне в лицо шрапнелью бил,
Я шел к нему
С судьбою братовой,
Который так его любил...

Снег...
Снег...
И только башни — вежами,
И только выучка — терпи,
Я с трудовыми шел успехами
И с неудачами в любви.

Снег...
Снег...
Но часовых видать.
Все ближе блеск
Штыка почетного.
В буденовках бы им стоять,
Как в январе
Двадцать четвертого.

Пусть форма та века пройдет,
Пусть, вызывая чувство странности,
В ней Революция живет
В своей суровой
Первозданности.

Вниз...
Вниз...
Тепло.
Там Ленин спал,
Не потревоженный шагами.
Там темный камень прозревал
Голубоватыми цветами.
Вниз...
Вниз...

В печальном полукруге
Судеб, как бы обнявших гроб,
Лежали трудовые руки,
Светился думающий лоб.

Вниз...

Вниз...

Лицо его сурово,
Широк, высок бровей размах.
И недосказанное слово
Еще теплело на губах...

Я думал,
Душу облепча,
Счастливо выйду
С легкой ношею,
А выходил от Ильича
С нагрузкою
Намного большею.
Я старше,
Я мудрее стал,
Как будто он за все мучения
На всю большую жизнь мне дал
Ответственное поручение.

Не знаю,
Сколько буду жить,
Но, отработав
В цехе огненном,
Приду однажды доложить,
Что сделано
И что исполнено...

* * *

Москва, Москва,
Бывало ль хорошо,
Бывало ль плохо,
Бодрый иль усталый,
Как через сердце
Родины большой,
Я шел через тебя
Кровинкой малой.

И счастлив я,
Что узами родства
Сыны земли, как я,
С тобой роднятся.
Ты не имеешь права
Жить, Москва,
Одними теми,
Что в тебе родятся.

Сказать «люблю»,
Душой не покривив,
Сказать не смею,
Это слишком мало!
Ты выше неприязни и любви,
Ты для меня, Москва,
Судьбою стала.

Ты — высший суд,
Ты — первая в делах.
Суди без спешки,
Думай без затяжек,

Ведь сколько силы
У твоих бумажек,
Лежащих
На ответственных столах.

Известна прежде
Кривостью своей,
Сильна поныне
Жесткой директивой,
Москва, Москва,
Будь с каждым днем прямой,
Москва, Москва,
Будь с каждым днем
Правдивей.

**СМЕРТНАЯ
ВЫСЬ**

Т

оро

Все тяжелой роднит
Бумагу белую со мною.
Она мне душу леденит
Своей жестокой белизною.
Бел сахар,
Но бела и соль.
О, ветер юности пьянящий,
Когда еще любая боль
Считается
Некастоюющей!
Когда, как мел,
Легко стереть
Все огорченья
На рассвете,
Когда, еще не веря в смерть,
Легко мы думаем о смерти.
Когда в неведенье своем,
Как дети, смелые в реченьях,
Мы злomu слову придаем
Еще не полное значенье.

Война! —
И крик,
А не слова,
Как будто, описав кривую,
Отторгнутая голова
Ударилась о мостовую.
Легла немислимая тень
На камни
И на все живое,

Как будто зеркало кривое
Перекосило ясный день.
Химеры из углов полезли.
У молодых и стариков
В подспудной памяти воскресли
Все ужасы
Былых веков.

Пришла пора
Платить в беде
И в круговой
И в личной доле
За клятвы, данные в труде,
За песни, спетые в застолье.
За все — за подлость подлецов,
За мудрость мудрецов столетья.
За все — за подвиги отцов,
За их суровое наследье.
За милой речки берега,
За радости,
За огорченья,
За первый взлет под облака,
За первое свое крушенье.

За свой диплом,
За переплет,
Серпом и молотом
Горевший.
За все, за все —
За самолет,
Увы, к боям
Не подоспевший...

* * *

Любил я скрипку.
Но в тот час
На опечаленном перроне
Не скрипки провожали нас,
А наши русские гармони.

Под скрипки,
Как бы ни играть,
Как струны
Ни терзать смычками,
Пристало слезы вытирать
Платочками,
А не платками.

Зато гармониям
Боль — не стыд.
Они о муже и о друге,
В тоске заламывая руки,
Как бабы, плакали навзрыд.
Для них рыданье не игра.
Для них на годы расставанья
Придумывали мастера
Двойное, долгое дыханье.
Когда их темные ремни
В игре
К плечам
Приникнут плотно,
Они покажутся сродни
Всем остальным
Ремням походным.

Объятья.
Слезы.
У черты
Ошеломленного перрона
Стояли тридцать два вагона
С дверьми,
Открытыми
Как рты.
Игра судьбы:
Мы снова рядом,
Борис и я,
Враги — друзья.
В тот день
Еще мы пахли складом
Перележалого белья.
Без хитрых
Фиговых одеж
Он стал в экипировке грубой
На прежнего себя похож —
Таким, как в дни аэроклуба.
Откинув голову свою,
В пилотке ставшую крупнее,
Глядел он в небо, каменя,
С руками книзу,
Как в строю.

Там,
В небе,
Над тоской разлук,
На фоне облаков багряных
Спешила легкая Марьяна
Через высокий виадук.

Неопалимая в огне,
Прекрасная в тревожном беге!
И стало странно, как во сне,
Нездешне стало,
Как на Веге.

Вот лестница.
Вот с высоты
Летит Марьяна.
Ниже...
Ниже...
Уже близка,
Уже я вижу
Ее небесные черты.
Сняв туфельки,
Уже земной
По ступеням спешит спуститься,
Спешит, чтобы успеть проститься...
С кем?
С кем проститься?
С ним?
Со мной?

Уже гудок
Сердца потряс.
Под нарастающие звуки
Марьяна увидела нас
И, вздрогнув,
Опустила руки.
Над всплеском горя и тоски
Труба призывная трубила.

Марьяна даже отступила,
Зажав ладонями виски.

И рисовать уже не надо,
На то и красок не найти,
Как отрывался взгляд
От взгляда,
Грудь отрывалась
От груди.
Повдоль вагонов стоны, стоны
В километровый стон слились,
И только тридцать два вагона,
Толкнувшись,
Не разорвались.

Кого же все-таки, кого
Марьяна проводить хотела?
Не отличив ни одного,
Она кого-то пожалела.
Вагон стучал:
«Кого?
Кого?»
Найдя ее в толпе угарной,
Подумал каждый благодарно,
Что пожалели
Не его.

Казалось мне,
Художник грубый,
Давно забывший доброту,
На певшие когда-то губы
Кривую наложил черту.

Казалось, сумасшедший гений
Единственную из земных,
Не допуская исключений,
Похожей сделал на других.

В глазах ее
Цвело мученье.
О, лжехудожница-война
С привычкой мрачной
К обобщенью,—
Чтоб все глядели,
Как одна!

* * *

Что мучило?
Что сердце жгло?
Что думал я?
Спервоначала
В моей душе еще кричала
Любовь к тому, что отошло.
Еще и ненависть не зрела,
Но вспыхнула —
Не побороть:
О, как горела, как горела
Любовь, сжигающая плоть!

Еще безликим было зло,
Еще далекими лишенья.
Любовь росла, а с ней росло
Раскаянье и сожаленье.

Зачем в такой тревожный век
Я счастье вечное пророчил!
Зачем той горестною ночью
Я красоту ее отверг!

Любовь росла,
Любовь крепчала
И ненависти
Не вмещала.

Пиши, железное перо,
Пиши, познавшее сверх меры
Трагедию высокой веры
И в Человека
И в Добро.
Печальна веры той судьба
В людей с ружьем не по охоте,
В людей от Шиллера и Гёте,
От молота и от серпа.
И кто не верил среди нас,
Что стоит только крикнуть:
— Братья! —
Как бросятся
К тебе в объятья
И рыжий Фриц
И смуглый Ганс.

Пиши, перо,
Все в той же вере
Картины горя и беды:
Мир Моцарта и мир Сальери,

Мир свастики и мир звезды.
Пиши два мира, два лица:
Мир красоты и мир уродства
И безоружность благородства
Перед коварством
Подлеца..

Молчи, перо.
Передохни.
Всем пониманьем,
Данным с детства,
Дай мне додумать,
Как они
За восемь лет
Дошли до зверства.

• • • • •

Ведь был прогресс,
Была печать.
Да, да, была,
Но от печати
Случилось черное зачатье
И та же выучка молчать.
Была печать,
И был прогресс.
Да, да, он был,
Но от прогресса
Мозгов фашистских,
Как под прессом,
Все меньше
Становился вес.

• • • • •
Легко ли,
Повстречав таких,
Нам было смертным боем биться
И все-таки не очутиться
В борьбе
Похожими на них!

* * *

Рожденные,
«Чтоб сказку
Сделать былью...»,
Как, помню, пелось
В песенке одной,
Свои еще не сломанные крылья
Мы с грустью ощущали за собой.
Уже чужие синеве небесной,
Мы по стальным летели колеям.
Казалось, нам в вагоне было тесно,
Казалось, крылья те
Мешали нам.

Летели?
Нет!
У каждого в петличках
Была не птичек
Божья благодать.
Пишу «летели»
Только по привычке,

По памяти
Умевшего летать.

Пилоты,
Мы сидели среди пехоты,
И, значит, время попусту сгубя,
Мы, строившие наши самолеты,
Их не успели сделать для себя.
Хоть не было вины особо личной
У нас, у мастеров большой руки,
Все ж, если говорить метафорично,
Мы ехали на фронт,
Как штрафники.

От горна,
От его огня
Катились мы
В горнило ада:
С Востока,
От истока дня,
На Запад,
В сторону заката.

О, сколько нужно дней
И доброй силы
Вагон, как люльку,
На пути качать,
Чтобы солдат
Увидел всю Россию,
Увидел все,
Что надо защищать.
Чтоб все увидел,

Все он заприметил,
Не проглядел чего-то
Невзначай...
Россия-мать,
Все для тебя мы дети,
Россия-мать,
Качай меня,
Качай...

Река...
Тайга...
Деревня за пригорком...
Опять тайга...
Вот полоса жнивья...
Вот Иверка...
Вот станция Ижмерка...
Вот заблестела
Реченька моя...

Есть много рек,
Но самой дивною
Была и будет,
Жив пока,
Та говорливая, разливная,
Благословенная река.
Она то узится, то ширится
В прохладе леса и травья,
Моя кормилица, поилица
И нянька мудрая моя.
Налимовая,
Пескарева,

Да сохранятся на века
Твои глубины окуневые
И черемшовые луга.
Да не иссякнет вод течение,
Да будут дымкой голубой
Ходить туманы над тобой
И зоревые и вечерние...

Я бросил ветку
В речку-реченьку
С моста, гремевшего над ней,
Чтоб ветку ту
Прибило к вечеру
Под окна матери моей.
Огни зажгутся в Яя-Борике,
Тогда она с поклоном дню
Сойдет к реке
Помыть подойники
И тронет весточку мою.

Застраждет
Грудь ее уставшая...
О том, что минул я ее,
Подскажет
Никогда не лгавшее
Ей материнское чутье.

* * *

Так думал я.
Тем сердце жило.

Теперь с приходом темноты
Моя страна огни тушила,
На окна синие спешила
Наклеить белые кресты.
И за Уралом за рабочим,
Еще не прятавшим огней,
Безлунные, глухие ночи
Желанней стали
Светлых дней.

От перегона
К перегону,
От рек до речек,
По мостам
Гремели тридцать два вагона
Навстречу стыдным новостям.
И нарушали эти вести,
Чужие смыслу «не убий»,
Трагическое равновесье
И ненависти
И любви.

Мы пели
Петое давно,
Про паровоз и про винтовку.
Нам помогало петь вино,
Добытое на остановках.
Плясали с чертиком в башке,
И кто-то, помогая ложкам,
Играл на старом гребешке,
Как будто на губной гармошке.
Веселые всегда в чести,

Поскольку в каждой передряге
Обязан кто-то крест нести
Весельчака
И забияки.

А я под лязг
Стальных колес,
В свою заглядывая душу,
Решал мучительный вопрос:
А кто я?
Струшу иль не струшу?

Мне
И не думалось такое,
Когда уже притихших нас
За первостольною Москвою
Догнал Верховного приказ:
За получением,
Прямо с ходу,
С горячих западных ветров
Он приказал вернуть заводу
Технологов и мастеров.
Средь разбиравшихся в моторе,
Средь отличавших дрели визг
Был назван я,
Василий Горин,
И однокашник мой, Борис.

А эшелон
Тянулся в спешке
До станции,
Где нам сойти.

Звучали едкие насмешки
Невозвращаемых с пути,
Неограждаемых от смерти,
От смертной раны,
От огня,
От прозябания в кювете:
— Ха-ха! У них в Кремле родня!

Как трудно было
Сильным, гордым
Душой томиться от стыда,
Живой поймет,
А перед мертвым
Не оправдаться
Никогда.

Живой поймет!
Бессильно слово,
Но убедителен зенит.
Живой поймет!
Ему, живому,
Насевший «Юнкерс»
Объяснит...

* * *

Он шел в пике,
Мы, как в бреду,
Под рев его и паровоза
Выскакивали на ходу
И скатывались по откосу.

Но взрыв! —
И землю потрясло!
Но взрыв! —
И землю разломило!
Меня волной ошеломило,
Меня куда-то понесло.
И было странным для меня
Последней мысли угасанье:
«Ах, вот как умирают...»
Я
На этом
Потерял сознание.

Не встал бы,
Но крутая жизнь
Меня в суровости растила:
Упал — на ноги становись,
Чтоб кровь лежащая не стыла.
Я жил и рос в науке той,
И тело памятью стало.
Оно само,
Слепое,
Встало
И разбудило
Разум мой.

Я слышал стоны,
Стоны,
Стоны
И видел в отсвете зарниц,
Как над обломками вагонов
Шумела стая красных птиц.

Им было тесно.
То и дело
Они дрались остервенело,
Ломали крылья, и окрест
Звучал их немолчный треск.
Смешалось все:
И стон смертельный,
И шум огня,
И клекот злой...

Трава горела.
Как в литейной,
Железом пахло
И землей.

Мне все казалось,
Все казалось,
Что в жизни
Что-то повторялось.
Казалось, был и этот зной,
И этот при закатном солнце
Истошно нараставший вой
Штурмующего крестоносца.
Казалось, был уже такой,
Глядевший в небо
И кричавший
С обидой,
С горечью,
С тоской:
— А где же наши?
Где же наши?!

О небо!
В розовом дыму,
Кровоточащее,
Как рана!

А я все шел
И звал Марьяну,
И сам не зная почему,
А я все шел.
И вдруг устал.
И вдруг остолбенел, пронизан
Глазами скорбными Бориса,
Глядевшего из-за куста.

В них мука смертная сквозила,
Как на окне стекла излом.
Другие все
Ползли в низину,
А он на холм,
На холм,
На холм...

Он полз на холм,
Где над пожаром,
Кроваво-красное сквозь дым,
Лежало солнце детским шаром,
Красивым шаром надувным.
Он полз мальцом
К игрушке детства,
А следом,
Обагрив куст,

Кровь еще помнила о сердце
И отбивала
Слабый пульс.

Он полз
Над взрывом,
Над пожаром,
Как будто
И не ранен был,
Все к шару,
К шару,
К шару,
К шару,
А шар качнулся
И уплыл
За лес,
За речку...
На мгновенье
Борис поднялся над травой
И в горестном недоуменье
Упал к востоку головой.

Есть знак:
Почуяв, что умрет,
Когда б и где б ни очутился,
Смертельно раненный ползет,
В том направленьи,
Где родился.

Ему я
Грудь перевязал
Руками как бы не своими.

Еще он жил,
Еще он звал,
Как я, он звал
Все то же имя.
Еще он жил,
Еще он был.
— Возьми...
Вот здесь...
Вот здесь, в кармане...
Вернешься...
Передай Марьяне...
Скажи, что я...
Ее любил...

Он говорил уже из ночи.
И не успел сказать всего.
Но мне была еще жесточе
Вторая исповедь его.
Неужто думал я о ней,
Когда Борис
Смолкал навечно?!
Нет! Эта мысль
Пришла поздней.
Тогда я думал
Человечней...

Однажды,
Помнится, весной
Втроем мы снялись
В дни полетов.
И вот из книжки записной
Знакомое скользнуло фото.

На фотографии на той,
Казалось, вместе мы летели,
Все трое высоко глядели
С какой-то дерзкой чистотой.
Теперь же, бывший рядом с ней,
Глядевший от любви нетрезво,
На карточке
Я был отрезан,
Как он отрезан
На моей...

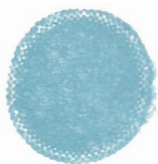
* * *

Как часто
Думал я потом,
Как мучился
В догадке смутной:
Чем для него был этот холм
В его последние минуты?
Взбираясь по тому холму,
Роднясь душой
Со смертной высью,
Не захотелось ли ему
Подняться
Над своей корыстью?
Отмывшемуся дочиста
Нечеловеческим страданьем,
Была ли эта высота
Его последним оправданьем?
Как горестно
В беде прозреть,
Печальным светом озариться,

Душою заново родиться
И, народившись, умереть!
Как часто думал я о нем,
О мудром смысле очищенья.
Душа, омытая огнем,
Достойна моего прощенья.

Не взял он дот,
Не взял он дзот,
Навстречу танку
Не метнулся
И по приказу
Не вернулся
Победный строить самолет.
Не взял он дот,
Не взял он дзот,
Но для оставшихся
В пилотках
Вдруг стала
Малая высотка
Прообразом
Больших высот.

КРЫЛЬЯ НА ПОЛДЕНЬ

Handwritten text or markings on the right edge of the page, appearing to be a vertical list or index.

П

рипоминая
Гибель друга,
Оспорю мудрость всех наук.
Жизнь мчится по закону круга:
Круг малый входит в больший круг.
Есть круг на все,
Что станет с нами,
Есть круг на радость и беду.
Недаром Дант в своем «Аду»
Все судьбы
Очертил кругами...

Дорога
 гнется,
 гнется,
 гнется,
Хоть кажется,
Что нет прямой,
Пока однажды не замкнется,
Как у Бориса,
На холме...

Дорога
 гнется,
 гнется,
 гнется...

А говорили:
Мы ль слабы!
Твердили:
Каждый остается
Хозяином своей судьбы!

А что мне
С мысли той мудреной,
Когда, забыв уют квартир,
Идут миллионы на миллионы,
Два мира —
Мир идет на мир.
Вот и попробуй-ка остаться
В своей судьбе самим собой,
Когда такой всесветный бой
Все занял:
Землю и пространство.

Но
Среди ужасов и болей,
Жесточе становясь и злей,
Быть человеком
Был я волен,
А эта служба тяжелей.
Утратив друга,
Полный силы,
Я б мог вернуться
В край родной,
Но от Борисовой могилы
Мне был начертан
Круг иной...

Мы в тесном
Станционном зале
Попутного состава ждали.
Вдруг вестником
Всех божьих кар
Влетел какой-то комиссар.

Мы встали вроде бы виниться,
Что возвращаемся назад.
Нас подняли его петлицы
И скорбно сумасшедший взгляд.

Глаза глядели
Так неистово,
С таким дымком
У синих глаз,
Как два запала,
Как два выстрела
И в самого себя
И в нас.

Глухой,
Холодный к лепетанью,
Что-де Верховный приказал,
Он только отмахнулся:
— Знаю! —
Спросил хрипотно:
— Кто летал? —
Не поняли.
Тогда он четче,
Нетерпеливей и острей:
— Я спрашиваю,
Кто здесь летчик? —
Пальнул глазами.—
Ну, быстрее!

Нас было двадцать,
Было двадцать,
Стыдливо опустивших лбы...
И я не мог не отозваться

На голос неба
И судьбы...

* * *

Дорога

гнется,

гнется,

гнется...

Настойчиво и горячо
Мое плечо на сгибах бьется
О комиссарово плечо.

Как плат узорный
Долгой носки,
Что был в нужде незаменим,
Шуршала пестрая двухверстка,
В пути развернутая им.
Всего позорней и постылей
Была нам поправная честь.
— Мы отступаем... Отступили...
Они вот здесь...
А мы вот здесь...

На карте, помню, той военной,
Вдоль маленького городка,
Набухшей, взрезанною венной
Дрожала синяя река.
Косой надрез дошел до леса,
И мне казалось,
Что вот-вот
Кровь хлынет

Из того надреза
И карту старую заляет.

Мы торопились
По шоссейной
И по проселочной — туда,
Где на земле, пока ничейной,
Остался брошенный «ПЕ-2».
Тот самый, днями и ночами
В далекой стороне лесной,
Уже совсем перед войной
Любовно выхоженный нами.
Тот самый, что был встречен хором
И громоханием цехов,
Тот, самый трудный,
Над которым
Вымучивался Петляков.

С души поднялся
Голос трубный:
— Стой, комиссар!
Поверь, не лгу,
Я лишь пилот
Аэроклубный,
Взлететь на этом
Не смогу!..

— Довольно! —
И на мне опять
Два синих дыма
В жерлах взгляда,
Два выстрела.

— Взлетать не надо.
Его приказано взорвать.
Ты знаешь, что взрывать:
Ты строил,
Ты, черт возьми, летал!.. Да, да!..
Не только вывести из строя,
А так,
Чтоб не было следа!..

Запоминай! —
Он карту отдал,
Заговорил про динамит,
Про то, как весело горит
К нему причастный
Шнур бикфордов.

Полями,
Лесом,
Перелеском
Все дальше мчался газик наш.
И начал видеться пейзаж
В каком-то сумраке библейском.
Все странно: и любовь до слез
И отчужденность до страданья.
Казалось, красота берез
Уже стоит за некой гранью.
Казалось, время не бежит,
Казалось, стихла скоротечность,
Казалось, пасмурная вечность
Чего-то ждет
И сторожит...

Спешим —
По ветру в колесе! —
Наперерез беде тотальной
К той самой страшной полосе,
Зачем-то названной
Нейтральной...

* * *

Стоял он
На пустынной пашне,
Тоскливо накренив крыла
И плексигласовые башни,
Высокие как терема.
Стоял он как бы облаченный
В одежду млечную стрекоз,
Стоял красивый,
Обреченный
И на распыл
И на разнос.

И на разнос
И на распыл.
Поздней он стал бы,
Будь плененным,
Опасней дюжины шпионов,
Врагом заброшенных
В наш тыл.

Ему не стыдно и не больно.
Он у врагов, в руках у них,

Мог стать предателем невольным
Крылатых родичей своих.
Он, одинокий, мог предать их
Еще в их чреве заводском,
И даже тех своих братьев,
Что нарождались бы потом.

А он и так нам крови стоил
И жизни стоил,
Что скрывать!
Прав комиссар,
Его я строил
И точно знаю,
Что взрывать.
Так Бульба
На свое дитя
Глядел, терзаясь
Мукой схожей:
Я породил тебя, и я
Тебя сегодня уничтожу.

В нем, небокрылом,
Все слилось
В одну махину
Безызычную.
Все вспомнил.
Сердце обожглось,
Как будто встретился
С Марьяною.

Не мучась именем ее,
Забуду все, как при контузии.

Взорву я прошлое свое,
Развею все свои иллюзии.
И для того, как адский взвар,
Клейменный чертовой печаткою,
Носил взрывчатку комиссар,
Потел и я над той взрывчаткою.

Мы тяжесть смертную внесли,
Встревоженные чем-то жутким,
В кабину, где к приборам чутким
Сходились нервные узлы.

Тут я увидел,
К небу зоркий:
По краю облака, врасплох,
Подобно санкам с белой горки,
К нам скатывался легкий «Шторх».
Казалось, нас мороз морозил,
А он, приметивший «ПЕ-2»,
Скользил с присвистом,
Как полозья
Скользят по синей
Глади льда.

Тот «Шторх»,
Тот «Аист» из ворон,
Что так недавно Риббентропом
Был нам в подарок поднесен
От покорителя Европы.

Тот «Шторх»,
Его я узнавал,

Как не узнать,
Когда всесветно
Он нагловато стартовал
В те дни
Со всех полос газетных.

Покамест
«Аист»
Сел на луг,
Пока рулил,
Мы поспешили
Порвать тугие бензожилы
И выйти через бомболюк.

Во мне жил страх,
Но с плеч гора,
Когда, пропахшие бензином,
Мы запалили два шнура
И, пятась, поползли
В низину...

Два огонька
В траве дымили,
Шипели, как шипит гюрза.
О, как они похожи были
На комиссаровы глаза!
Тот полз, как плыл,
Скрывая плечи,
А я, хоть и совсем не трус,
Заслышав лязг ненашей речи,
Припрятался
За рыжий куст.

Смеясь,
Друг другу что-то каркая,
Враги уже так близко шли,
Что видел я
Планшетку с картою
Моей,
Моей,
Моей земли!
Они смеялись
В полный рот,
А справа гнул траву сухую
Винтом, кружившим вхолостую,
Их голенастый самолет...

* * *

Я вспомнил,
Что латал когда-то,
Что у меня была звезда.
Кто хоть однажды
Был крылатым,
Приписан к небу навсегда.
Земной, но в тяге к неземному
Приписан всей своей судьбой,
Кровинкой, клеточкой любой
Не просто к небу,
А к Седьмому...

Я знал, что взрыв,
Его рассеянье,
Накроет и меня огнем.
А «Шторх» стоял.

Свое спасение
Теперь я видел
Только в нем.

Скорей!
Минута дорогая!
В кабину б сесть
И присмотреться.
В конце концов, и у врага
На том же месте
Бьется сердце.
Фашисты могут убивать,
Но там же ставят элероны.
Науки мудрые законы
Они не могут попить.

Не знаю,
По моей ли воле,
Иль по своей,
Сыграв в козлы,
Машина поднялась над полем
С набором синей крутизны.
Она брала все круче, круче,
Она уже несла меня
Над взрывом,
Близким и гремучим,
Над жаркою взрывною тучей,
Над красной кипенью огня.

Она летела
С разворотом,
Казалось, на хромом крыле,

Как будто своего пилота
Высматривала на земле.
Высок был взрыв,
Огонь был плотен,
Была невидимой земля.
Я самолету дал руля
И крылья повернул на полдень.

На полдень!
На высокий свет,
Когда земля
Верней глядится.
На полдень,
Лучший из примет,
На полдень,
Чтоб не заблудиться.

Потом я глянул за пожар,
За отсвет горестного праздника,
Где на шоссе, застыв у газика,
Еще стоял мой комиссар.

Счастливей
Злого божества,
За счастье
Заплативший дорого,
Я сатанел от торжества,
Я пел и плакал от восторга.

Я с песней юности летел,
Я плыл по синеве
С той песней,

Что Марьяне пел
В сибирской стороне.

Как ни летел,
Как ни глядел,
Но в небесах скупых
Я звезд не видел голубых,
Не видел золотых.

Как ни летел,
Как ни глядел,
Все время видел ту,
Опять попавшую в беду
Кровавую звезду.

Как ни летел,
Как ни глядел,
Я видел с высоты
Горевшие огнем беды
Лишь красные цветы.

В огне ветров
От тех цветов,
Что родила война,
Летят засеять времена
Стальные семена...

Машина высилась
И высилась,
И ветер терся о бока.
Уже Седьмое небо близилось,
Уже редели облака.

На крылья падал свет полуденный,
На их кресты, чужие нам.
И вот зенитные орудия.
Ударили по тем крестам.
Чужими крыльями возвышенный:
— Свой!.. Свой!..—
Кричал я с высоты,
Но гневная земля не слышала
И снова целилась в кресты...

И стала мысль моя
Пронзительной:
Неужто мне не долететь
И под личиной омерзительной
Вот так безвестно умереть!
Среди несокошенного клевера
Мои останки догорят,
Традиционного пропеллера
На месте том не водрузят.
По русским вековым традициям
И старики и ребята
Ославят это место фрицевым,
Не зная, что оно мое.

Ну нет!
Отринув мысли страшные,
Загадки загадав рулям,
Какие-то сверхпилотажные
Выписывал я кренделя.
Земную силу и небесную
Я заклинал заклатьем слов:
— Ты пронеси меня над бездною!

Ну, пронеси! —
И пронесло.
И пронесло над всеми страхами,
И я сказал машине:
— Гут!..—
Когда зенитки отбабахали,
Обидно стало:
Плохо бьют.
Так думал я, удачей хвастая,
Но тут же, радость омрачив,
Как факел, красный «И-16-й»
Вдруг вымахнул и застрочил.
Уже не ждал исхода доброго,
Знал наперед, смиряя дрожь,
Что от такого крутолобого,
Как от зениток, не уйдешь.
Забыл я и слова хвалебные,
Опять мне стало не до них.

Заход...

И звезды семинебные
Посыпались из глаз моих...

Заход...

Ошеломленный, раненный,
В сознание, что еще живой,
Косынку, помнится, Марьянину
Я выбросил над головой.
Должно, в секунду ту опасную
Меня лишь это и спасло...

Куда ее с каймою красною
Высоким ветром занесло?..

Мой разум потерял сознание,
Но даже в смутной пелене.
Им отданные приказания
Еще работали во мне.
И вдруг:

Снижение...

Снижение...

Близка земля...

Кусты...

Трава...

Закон земного притяжения
Вступил в жестокие права.

И — ночь!..
И странное свечение!
И бред,
И боль,
И страх в душе,
Что я упал на том ничейном,
На том горячем рубеже...

Зачем они?
Куда они?
Ко мне из ночи торопливо
Бегут бикфордовы огни,
Все к сердцу, к сердцу —
К центру взрыва.

Бегут огни,
Вот-вот удар...
Нет, это с огненным зарядом
Меня расстреливает взглядом
Неумолимый комиссар.

Был приговор суров и краток:
В распыл меня,
На синий дым
За то, что не пополз за ним,
Когда он уползал в распадок.
Печальный круг в моей судьбе
Замкнул он, холодно сказавши:
— Ответь мне, без вести пропавший,
Что доложить мне о тебе?
Как ты, погибшие в позоре,
Как ты, утратившие честь,
Теряют имя...
— Имя есть!..
Я Горин!..
Я Василий Горин!..

.

— Эх, Вася, Вася,
Друг ты мой,
Мечтал я встретиться иначе...—
И вижу, плачет надо мной,
Но разве комиссары плачут?!
Да нет, такого не проймешь,
Нет, нет, не мог он прослезиться.

Нет! В комиссаровых петлицах
Птиц не было...
— Не узнаешь?..

В глазах
Еще туманы плыли,
Дрожала серая пыльца.
Вдруг ветерок —
И проступили
Черты знакомого лица.
Синели щеки
В бритом глянце,
На лоб свисал
Цыганский чуб...
И вспомнил я аэроклуб
И Федю Зыкова, «испанца».
Так звался он, товарищ наш,
За то, что в памятное лето
Шумел, идя на пилотаж:
— Даешь Бургос!
— Даешь Толедо!

Уже тогда имел он виды
В своей цыганской голове
На крыльях
Подоспеть к Мадриду,
А подоспел
К родной Москве.
Былых фронтов
Сменился адрес,
А враг все тот,
Такой же злой.

— Что, Федя...
То есть дон Фернандес?
— Так... Радуюсь, что ты живой...—
Слезился глаз
Слезой нетрезвой.
— Прости...
— За что?! —
И он, обняв:
— Ведь это я тебя подрезал...
Ты понимаешь, Вася... Я!..
— Как ты?! —
Я застонал невольно
И памятью упал во тьму...
Но как бы ни было мне больно,
Случится — я опять пойму!

Поймет ли нас
Потомок дальний
И догадается ли он
О том, что к полосе нейтральной
Летели пули с двух сторон.
Он как бы и мудрей и старе,
Но где-то там, уже в раю,
В моем безумном комиссаре
Признает ли он кровь свою?

Мы все в пылу.
Мы прямо с пыла.
Не остудил бы скрип пера,
Что, дескать, и не надо было
Все то, что было
У пра-пра...

Пусть будет так.
Но, встретив друга,
Оспорю мудрость
Всех наук.
Жизнь мчится
По закону круга:
Круг малый входит
В больший круг.
Любая точка замыканья
В итоге жизни и борьбы.
Как утверждение судьбы,
А вместе с тем
И отрицанье...

Прав и неверующих суд,
Но правдой очень поздней меры,
Которую солдаты веры
Своей борьбою пронесут.
Все круг:
Круг радости и гнева,
Круг разрушенья,
Круг творца,
Круг от посева до посева,
Круг от рожденья
До конца...

ЭПИЛОГ ПРОЩАНИЙ

становится память короче,
И все, что на сердце храню,
Покрыто золою... А впрочем,
Зола бережлива к огню.
Чтоб добрые угли не тухли,
Чтоб новый костер полыхал,
Мой пращур горящие угли
До срока в золе сберегал.
Гордясь драгоценною ношей,
Он в темные нес их углы...
Меж нами
Есть разница все же:
Нам выпало больше золы.

* * *

За временем,
За расстояньем
Устал я памятью беречь
Тех лет одни лишь расставанья
Без ожиданий новых встреч.
Вдруг над уставшей головой,
Пройдя, распорет поднебесье
Наш самолет сверхзвуковой:
Все вспомнится,
Все, все воскреснет.

Мы строились среди снегов,
Где с первою слезою в дыме
Все начинается с костров
И рук, протянутых над ними.

Мы небо
На плечах несли,
Чтоб мир
Не одичал во мраке.
Но где те «ЛАГи»,
Где те «ЯКи»,
Которые его спасли?

Давно их нет.
На рубежи
Уходят стаи реактивных.
Их нет, но в заводских архивах
Еще хранятся чертежи.
А если нету таковых,
Я памятью пробел заполню.
Еще я чувствую и помню,
Как трудно делали мы их.

До входа
В сборочный пролет,
До взлета к синеве небесной
Наш краснозвездный самолет
Жил поначалу бестелесно.

И появлялся он тогда,
Покинув сварки цех угрюмый,
Подобно остову кита,
Когда все сало сплавят в трюмы.
Мы не любили волокит,
Напрасно не точили лясы,

Поэтому костлявый кит
Легко наращивал здесь мясо.

И чтоб скорее ожгла
Тысячерукая работа,
Ему давали два крыла
И два подкрылка
Для полета...

Уже потом,
Включая ток,
В него монтер
Всходил по трапу,
Как редкий голубой цветок
Зажав в руке электролампу.
И узнавали мы потом,
Что приближается победа,
Не так по сводкам Совинформ,
Как по придирам
Военпреда...

Враг наседал
Европой всей.
Под тяжестью его нажима
Срабатывал закон пружины:
Сожмешь ее —
Она сильней.
Ей нужно только до конца
Выстаивать и не ломаться,
Ей нужно только опираться
На неотступные сердца.

И устояла.
Не сломалась.
И я улавливал чутьем,
Как, сжавшись,
Долго разжималась
Она на сердце на моем.
Как, сжавшись,
Грудь мне отягчала,
Но и к тому я чуток был,
Как сердцу моему легчало
При каждом взлете
Новых крыл...

Лишь с ними
Всякий-всякий раз
Мы торопили, не печалась,
Заветного прощанья час,
Лишь с ними
Мы легко прощались.

И горько,
Что не почтены,
Как памятники той эпохи,
Те «ЛАГи», «ЯКи»,
Пусть не боги,
Пусть только ангелы войны.
Почтите их,
Чтоб, с высоты
Нам годы битв напоминая,
В девятый день любого мая
Могли работать их винты...

* * *

Что дивно:
Много лет назад,
В тот самый первый
День победный,
В тот многозвучный,
В многоцветный,
Казалось, не было утрат.

Что странно:
От потерь устав,
Мы в том хотели обмануться,
Что и погибшие вернутся,
Лишь на немного
Запоздав.

В тот день,
Когда запела медь,
Казалось,
Вечный мир дается,
Казалось нам,
Что все вернется,
Все, все,
Лишь надо захотеть!..

* * *

Опять засветился огнями,
Запраздновал сад молодой,
Когда-то посаженный нами,
Политый ангарской водой.

Деревья, стоявшие рядом,
Успели в нем ветви сплести.
Война не мешала расти
Забывшему
Нашему саду.

Он звал,
Но подумал я, званный,
Что в нем
Только впору юнцу
Могло быть начало романа,
А я торопился к концу.
Как трудно идти крутояром,
Трудней, чем на дымной стезе,
Когда с боевым комиссаром
К ничейной спешил полосе.
О, если бы верить и верить,
Что здесь
После стольких дорог
Стучу я в приветные двери,
Вхожу за приветный порог.

— Марьяна! —
Вскричал я, отчаясь.
По стенам,
По комнате всей,
Лишь лунные тени качались
Густых подоконных ветвей.
— Марьяна! —
В прибое кипящем
Вся комната шаткой была.

Стояла.
Молчала.
Ждала.
Как будто в саду настоящем.
Ах, вот где!
Роднее родни,
Стояла,
Глядела,
Молчала.
Холодной щекой отвечала
На ждавшие губы мои.

• • • • •

Нет, не читала мне она
То знаменитое двустрочье:
Мол, я другому отдана,
Мол, буду век ему верна,
Верна до гроба...

Гроб сколочен.
Соперник пал.
Смерть уточнила
Тяжбу враждующих сторон.
Кровь протекла,
А не чернила,
С пера, писавшего закон.

• • • • •

Лишь звезды!
Ветер на стене
Качал кленовые побеги.
И стало смутно, как во сне,

Нездешне стало,
Как на Веге.
Все было тихо,
Странно в ней:
Прическа, платье...
Были странны
Глаза ее
В игре теней,
Огромные, как у Звезданы.

Ведь это я.
Звездана, вспомни!

Я нежно взял в полукольцо
Своих натруженных ладоней
Ее небесное лицо.
Я взял его,
Чтоб насладиться
В награду за любовь и труд,
Как воду из ручья берут,
Когда хотят в пути напиться.
Седьмые вспомнив небеса,
Ресницы сизые смежала.
Мерцающая, на щеке дрожала
Земная, горькая слеза.

Я только губы холодил,
Их ласка льда не растопила.
— Что ж раньше ты не приходил,
Когда тебя я так любила?
Мне смерть Бориса как печать,
Он сердце опечатал ею.

Все надо заново начать,
А заново я не сумею...

Борис,
Закончив путь земной,
Землей далекою пригретый,
Между Марьяною и мной
Оставил прежние запреты.

Но сердце
Не музей,
Не склад,
Не склеп
Безвыходный и темный.
Нет, нет, Борис не виноват,
А мы с Марьяною виновны.

Меня догадка обожгла,
Не раз испытывая разум:
Онегину своим отказом
Татьяна нехотя лгала.
Слова ее дышали стужей,
Виновны были в тех словах
Не домострой,
Не верность мужу,
А как бы материнский страх...

Когда разлуке нет конца,
Фантазия,
Впадая в буйство,
Как соучастница творца
Творит родительское чувство.

Смеетесь?
Поздно обнаружил
И поднял
Каверзный вопрос?
Ничто не поздно!
Узнают же
У древней мумии...
Склероз!

В иронии
Не зацвести,
Как я, влюбленный,
Цвел вначале.
Ирония — дитя печали.
Марьяна, милая, прости!
Теперь в конце
Вся жизнь видна.
Однажды сказано правдиво:
Любви несчастной нет, она,
Какой бы ни была,—
Счастлива.

Я радости
Не смог обрести.
Все, что сказал,
Страданием добыто.
У счастья
Не бывает опыта,
Лишь у несчастья опыт есть.
Я и другой открыл секрет,
Познав все горечи и сласти:

Есть биографии несчастья,
У счастья
Биографий нет.

Скажи,
Кого нам упрекать,
Что случилось так,
Что так случилось?
История не научилась
Страницы светлые писать.

Опять земля подожжена:
Кипят моря и сохнут реки.
Опять земля напряжена
В своем крутом
Межзвездном беге.

Опять дымит
Земная ось.
Проходит жизнь,
Внушая жалость.
Марьяна, как тебе жилось?
Марьяна, как тебе дышалось?

Хоть на земле
Не меньше мук,
Хоть, мучаясь, кричим:
«Доколь же?!»,
Марьяна, милая, вокруг
Людей крылатых
Стало больше.

Они свое
Не проглядят,
Как мы с тобою проглядели.
Мы к радостям не долетели,
Они, Марьяна,
Долетят!

* * *

Я все сказал,
Что смог сказать,
Но все-таки сомненья мучат.
Недаром критики нас учат
За быстрой жизнью поспевать.
Все верно. Жизнь летит вперед.
Поспеть нам было бы неплохо,
Да вот загвоздка:
Что ни год,
То в жизни
Новая эпоха.

Да, что ни месяц —
Мир иной,
А между тем,
В хорошей вере,
Уже полвека шар земной
Линяет, как линяют звери.
Земля косматая кружит,
За нею клочья шерсти тленной.
И где-то в горле у вселенной
Уже полвека,
Как першит.

Что до небес!
Земля — мой кров,
И чувствую не там, а здесь я
Трагическое равновесье
Двух разных станов,
Двух миров.
Раскраивая пополам,
Ракетный ужас дислокаций
Проходит по живым телам,
Живым сердцам
И душам наций.

И человеку дел и слов
Во всем — душевном и телесном —
На чаше мировых весов
Уже нельзя быть легковесным.

Людей разумность
Мир спасла,
Но — люди! —
Разве ж не зловеще
Увидеть вновь на службе зла
Высокий разум человеческий.

Мир старый
Нам готовит ад,
Но крикну и у двери ада:
Да будет атомный распад
Глашатаем его распада!
Да будет совести в укор
Его злодеяния непростимы.

Себе на пепле Хиросимы
Он смертный вынес приговор.

Я все сказал,
Что смог сказать,
Но все ж тревога
Спать мешает.
Нам критики давно внушают
Законы жизни постигать.
Все правда.
Жизнь в добре и зле
Постигнуть было бы неплохо,
Да трудно:
Нынче на земле
Такая пестрая эпоха.

И хоть на ней
Не меньше мук,
Хоть, мучаясь, кричим:
«Доколь же?!»,
Читатель! Все-таки вокруг
Людей крылатых
Стало больше!

1959—1967

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вместо эпитафии	6
Первая высота	8
Чужая жизнь	26
Лирическое отступление . . .	48
Земля и Вега	72
Память века	96
Москва, Москва...	120
Смертная высь	146
Крылья на полдень	170
Эпилог прощаний	192

Федоров Василий Дмитриевич

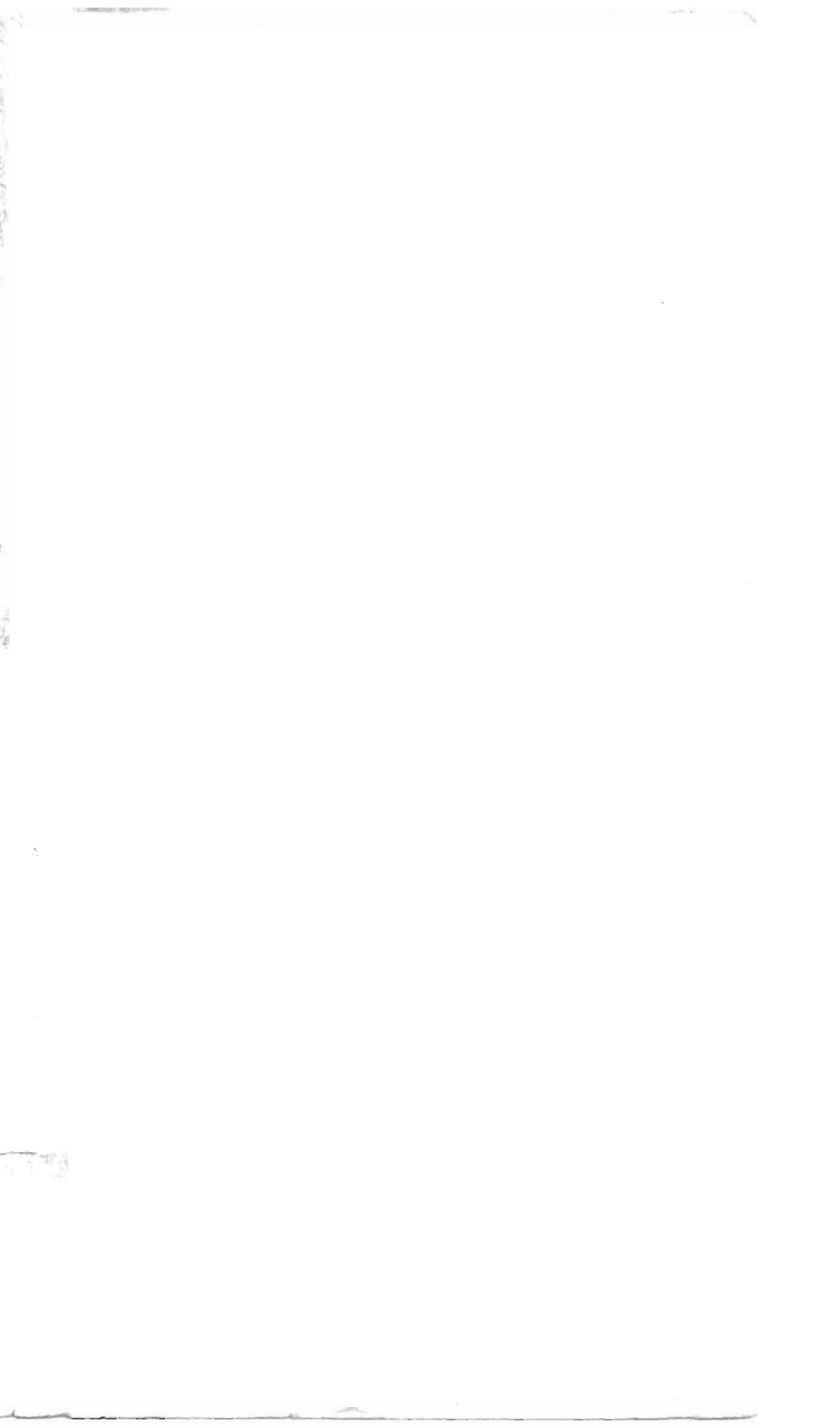
СЕДЬМОЕ
НЕБО

М., «Советский писатель»,
1968, 208 стр.
Тем. план выпуска 1967 г.
№ 201

Редактор
Е. А. Исаев
Худож. редактор
Н. С. Лаврентьев
Техн. редактор
Н. Д. Бессонова,
Р. Я. Соколова
Корректор
С. Б. Блауштейн

Сдано в набор 31/X 1967 г.
Подписано к печати 1/III
1968 г. А 05339 Бумага
84×97¹/₃₂. № 1. Печ. л.
6¹/₂ (10,27). Уч.-изд. л.
7,97. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 372. Цена 89 коп.

Издательство «Советский
писатель», Москва К-9,
Б. Гнездииковский пер., 10
Тульская типография
Главполиграфпрома Ко-
митета по печати при Со-
вете Министров СССР
г. Тула, проспект им.
В. И. Ленина, 109

89 коп.

